

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Полис и социально-психологические характеристики гражданина полиса	14
1.1 Сущность греческого полиса, процесс его формирования в архаический период	14
1.2 Социально-психологические характеристики гражданина полиса	18
Глава 2. Распространение греческого наёмничества и социально-психологические характеристики греческих наёмников	25
2.1 Греки-наёмники на Востоке в архаический период	25
2.2 Греки-наёмники в Элладе в архаический период	28
2.3 Социально-психологические характеристики «архаических» наёмников...	32
2.4 Наёмники эпохи классики	36
2.5 Социально-психологические характеристики «классических» наёмников .	43
Заключение	53
Список использованных источников и литературы	57

ВВЕДЕНИЕ

Наёмничество – формирование профессиональных армий, состоящих из иностранных либо местных солдат за определенную плату. Это историческое явление охватывает практически все эпохи человеческой истории – от первых цивилизаций Древнего Востока до наших дней. У средиземноморских народов профессия наёмника практикуется с древнейших времён – ещё хеттский царь Муваталли перед битвой при Кадеше (1284 г. до н.э.), с египетским фараоном Рамсесом II, «не оставил на своей земле ни золота, ни серебра, но изъял их из своего достояния и отдал союзникам, чтобы привлечь их к сражению вместе с собой»¹. Несколькими столетиями позже, на службе у египетских фараонов обрели своё место первые греческие наёмники, о которых и пойдёт речь в этой работе.

Феномен наёмничества являет собой важный элемент истории античной Греции – экономической, политической, и, конечно же, военной. Многие исследователи полагают, что повсеместно распространившееся наёмничество в IV веке до нашей эры стало одним из факторов, приведшим к кризису полиса. Так, в современной историографии преобладает мнение, что кризис полиса был вызван не столько социально-экономическими и политическими проблемами, сколько социально-психологическими, а именно – размыванием понятия гражданства. На этот процесс, судя по всему, наёмники оказали определённое влияние².

Впервые греческие наёмники встречаются на службе у восточных правителей Малой Азии и Египта в период архаики. В самой же Греции в это время наёмников используют «старшие» тираны. Затем наёмничество в Греции исчезает вместе с падением самой тирании – в VI в. до н.э. почти на целый век. Переходным в истории наёмничества периодом стала Пелопоннесская война 431-404 гг. до н.э. Здесь наёмники впервые получают широкомасштабное

---

¹ Парк Г. У. Греческие наёмники. “Псы войны” древней Эллады. М., 2013. с. 8.

² См.: Pecirka J. The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B.C. // Eirene 1976. №14. P. 5-29; Глушкина Л. М. Проблемы кризиса полиса // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т.2: Кризис полиса. М., 1983. С. 5-43; Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. С. 244-271; Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015. С. 23-25.

применение – как для ведения непосредственных боевых действий, так и для внутриволисной политической борьбы. Кроме того, к помощи наёмников вновь прибегают тираны. Пик распространения наёмничества в Греции пришёлся на IV век до н.э. Примерно тогда же происходит и распад классической волисной системы, именуемый в историографии кризисом волиса.

Таким образом, мы наблюдаем выделение двух периодов в развитии феномена греческого наёмничества, которые совпадают с двумя важными процессами в истории Эллады – формирование и кризис волиса. Вероятно, это не случайно. Поэтому, изучение разных сторон наёмничества – в нашем случае социально-психологических характеристик – приобретает особую значимость и актуальность. Очевидно, это позволит нам уточнить роль наёмников в указанных процессах.

Целью данного исследования является определение социально-психологических характеристик греческих наёмников в периоды формирования греческого волиса и его кризиса и их роли в этих исторических процессах. Для её достижения необходимо выполнить несколько **задач**:

1. выявить характерные особенности волиса как социально-политического образования;
2. выделить социально-психологические характеристики гражданина волиса;
3. определить, насколько широко было распространено греческое наёмничество – географически и количественно – в разные исторические периоды;
4. выделить социально-психологические характеристики греческих наёмников;
5. понять, в чем состоит качественное отличие социально-психологических характеристик гражданина волиса и наёмника;
6. выяснить роль наёмников в процессах формирования волиса и его кризиса.

Объект исследования – древнегреческое наёмничество периода

формирования полиса и его кризиса.

Предмет – социально-психологические характеристики древнегреческих наёмников в период формирования полиса и его кризиса и их роль в этих исторических процессах.

Географические рамки представлены регионами, в которых мы встречаем греческих наёмников в интересующие нас периоды – это территории материковой Греции, Месопотамии, Сицилии, Малой Азии, островов Эгейского моря, Северо-Восточной Африки.

Хронологические рамки исследования ограничены VIII-IV веками до нашей эры, когда мы встречаем древнегреческих наёмников:

1. VIII-VI вв. до н.э.: архаический период – становление и рост древнегреческих полисов, первое появление древнегреческих наёмников;
2. VI-V вв. до н.э.: классический период – эпоха расцвета классической полисной системы, когда необходимость в использовании наёмников отсутствовала³;
3. V-IV вв. до н.э.: Пелопоннесская война и эпоха поздней классики – возвращение древнегреческих наёмников на историческую сцену.

Источниковую базу данного исследования можно разделить на несколько групп. Первую и основную группу составляют нарративные источники. Это свидетельства античных историков (Геродота, Абидена, Полихарма, Фукидида и Ксенофонта), географов (Страбона), компиляторов (Николая Дамасского и Диодора Сицилийского), философов (Плутарха, Аристотеля, Платона и псевдо-Аристотеля) и военных теоретиков (Полиэна). Особое место занимают сочинения древнегреческих поэтов (Гомера, Гесиода, Алкея, Архилоха, Коринны, Феокрита) и драматургов (Эсхила, Софокла, Еврипида). Наконец, отдельную группу составляют речи ораторов: Демосфена и Исократ.

Кроме того, при написании данной работы использовались некоторые документы восточной традиции, а также данные археологии и эпиграфики.

---

³ Этим и обусловлен вековой «пробел» в приведённой хронологии.

Первые полезны для изучения некоторых событий, происходивших на Ближнем Востоке, но в силу недоступности оригинальных текстов, у нас они присутствуют через цитаты из научных трудов. Археологические источники, доступные нам из западных публикаций, могут показать ареал расселения греков по Средиземноморью, а некоторые эпитафические памятники, находящиеся в Древнем Египте, позволяют нам отметить непосредственное пребывание там греческих наёмников.

Обратимся теперь более подробно к основному источнику – нарративной традиции. Первым здесь стоит указать Геродота Галикарнасского. Его «История» является настоящей энциклопедией, написанную в V веке до н.э. и состоящую из девяти книг, включающих в себя географические, этнографические, естественноисторические и литературные сведения. Для нашего исследования Геродот полезен в первую очередь тем, что его труды содержат многочисленные сведения об интересующих нас странах – Египте и Греции эпохи Старшей тирании. Труды Абидена и Полихарма Навкратийского не сохранились и дошли до нас в отрывках сочинений других авторов (Абиден – у Евсевия Кесарийского в «Церковной истории»; Полихарм – у Афиня в «Пире мудрецов»). Для нас полезны их свидетельства о некоторых событиях в Ассирии и Египте. «География» Страбона интересует нас, прежде всего, описанием греческого населения Древнего Египта. Полезны сведения и Николая Дамасского – для нас интересен его обзор греческой тирании. Он содержится в главном и наиболее значимом труде Николая – «Истории» в 144 книгах. В ней описывается всемирная история (Ассирии, Персии, Лидии, Греции и пр.) с древнейших времён до смерти иудейского царя Ирода I (ок. 4 г. до н.э.). Большинство книг не дошло до наших дней, и вообще все сочинения Николая найдены только в отрывках. Другим компилятивным трудом является «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского, также описывающая географию, культуру и историю древних государств: Египта, Месопотамии, Греции и др.

В контексте нашего изучения ранней греческой тирании полезны

трактаты Аристотеля о государстве и политике – «Афинская полития» и «Политика». «Афинская полития» – трактат Аристотеля о государственном устройстве Афин, одна из частей его обширной серии трудов «Политии» (коих всего 158). «Политика» – трактат Аристотеля, состоящий из 8 книг, и рассматривающий проблемы учения о государстве и его формах, понятии гражданства, «правильных» и «неправильных» формах правления, политических переворотах и пр. Ценен также трактат Полиэна «Стратегемы» – несмотря на то, что автора интересовала в первую очередь не история, а прикладное значение военных уловок, его труд представляет для нас интерес некоторыми сообщениями о приходе греческих тиранов к власти.

Аристотель наряду с Платоном, Ксенофонтом и псевдо-Аристотелем интересен нам также и как философ, пытающийся осмыслить полис как форму государственного и общественного объединения. Кроме того, Ксенофонт и псевдо-Аристотель в своих одноимённых рассуждениях («Экономика») транслируют традиционные ценности, характерные для обычных граждан полиса.

Сочинения Фукидида, Ксенофонта и Плутарха дают нам сведения о Пелопоннесской войне и эпохе поздней классики. Фукидид и Ксенофонт были современниками описываемых ими событий. Так, «История Пелопоннесской войны» Фукидида охватывает период от начала войны до 411 года до н.э. и рассказывает о войне между Афинами и Спартой, очевидцем которой он был. Также необходимо отметить ещё и то, что Фукидид сам был непосредственным участником боевых действий и старается указывать численность войск, что немаловажно для данного исследования. Однако, преждевременная кончина не позволила ему завершить свой труд и произведение обрывается 411 годом до н.э. «Греческая история» Ксенофонта является фактическим продолжением «Истории» Фукидида, охватывая период с 410 (битва при Кизике) по 362 (битва при Мантинее) года до нашей эры. Естественно, в данном случае нас интересуют лишь первые две книги этого произведения, которые непосредственно описывают последние годы войны. Также некоторые из

«Сравнительных жизнеописаний» Плутарха тесно связаны с войной (речь идёт о биографиях военачальников и государственных деятелей того периода, таких как Архидам, Брасид, Лисандр, Алкивиад, Никий и пр.), но их ценность существенно ниже, чем ценность «Историй» Фукидида и Ксенофонта – во-первых, Плутарх в первую очередь биограф, а не историк в привычном понимании, к тому же, он не является современником событий Пелопоннесской войны – Плутарх жил намного позже, в Римскую эпоху. Тем не менее, Плутарх главным образом интересен нам как биограф-моралист некоторых полководцев, изучение которых позволит более явно понять мировоззрение простых греков и наёмников – в его «...жизнеописаниях» изложена не просто биография, но характер описываемого человека, что и представляет первоочередную важность для нашего исследования.

Некоторым особняком в данной работе стоит «Анабасис» – одно из главных сочинений Ксенофонта, состоящее из 7 книг, написанных им в IV веке до н.э. В них описывается поход 10 тысяч греков-наёмников под руководством Кира Младшего⁴ от западного берега Малой Азии вглубь Месопотамии и отступление их к берегам Чёрного моря. Ксенофонт был непосредственным участником этих событий и скрупулёзно описал конкретную обстановку похода, так что его повествование имеет большую ценность для воссоздания социально-психологических особенностей древнегреческих наёмников.

Наконец, древнегреческая поэзия используется нами в качестве примеров отражения мировоззрения греков в литературе. Труды Гомера, Гесиода, Коринны и Феокрита – для иллюстрации важности агона и религии в повседневной жизни эллинов; произведения драматургов Эсхила, Софокла и Еврипида – для иллюстрации отношения греков к богатству. Речи ораторов также иллюстрируют полисное сознание – Демосфен предстаёт перед нами как критик богачей, а Исократ – как современник той самой «кризисной» эпохи, когда наёмничество стало вполне обыденным на всей территории Древней Эллады. Для отражения мировоззрения архаических наёмников нами

---

⁴ Младшего сына персидского царя Дария II.

использованы сочинения Алкея и Архилоха. Алкей интересен нам, прежде всего как солдат, брат наёмника, аристократ, боровшийся с тиранией и путешественник по Египту. Эти эпизоды его биографии нашли отражение и в его стихах, которые можно использовать для уточнения некоторых фактов. Архилох, насколько можно судить, сам был наёмником, так что его сочинения являются наиболее аутентичным материалом для рассмотрения мировоззрения воина-наёмника.

Историография, касающаяся нашего вопроса, представлена двумя группами трудов. К первой относятся специальные исследования, посвящённые наёмникам, ко второй – общие работы по Греции рассматриваемых периодов (архаики и классики).

Исследования, касающиеся древнегреческого наёмничества, также условно можно разделить на две группы. Первая группа представлена работами, иллюстрирующими различные стороны жизни наёмников – где они использовались, какова была их численность, происхождение и пр., не уделяя особое внимание проблемным аспектам самого феномена наёмничества. К этой группе исследований относится статья *М. А. Александрова «Наемники на службе у тиранов в архаическую эпоху (VII—VI вв. до н.э.)»*⁵, посвящённая службе наёмников у Старших тиранов. Из зарубежных трудов это работа *Герберта Парка*⁶, посвящённая основным моментам истории греческого наёмничества – от древнейших времён (до 500 г. до н.э.) до эпохи диадохов (конец IV-начало III вв. до н.э.), и *Гая Гриффита*⁷, посвящённая наёмникам эллинистического периода. Хотя материалы последнего автора не были использованы нами при написании данной работы, всё же этот труд заслуживает упоминания, ввиду малого количества специальных исследований, посвящённых проблеме древнегреческого наёмничества.

Вторая группа трудов о наёмниках представлена проблемными

---

⁵ Александров М. А. Наёмники на службе у тиранов в архаическую эпоху (VIII-VI вв. до н.э.) // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб., 1995. С. 28-41

⁶ Парк Г. У. Указ. соч.

⁷ Griffith G. The Mercenaries of the Hellenistic World. Groningen, 1968.

исследованиями, которые уже пытаются проследить и оценить роль наёмников в историческом процессе. Наиболее видным представителем этой группы является *Л. П. Маринович*. Её перу принадлежит несколько специальных тематических исследований, наиболее глубокое и полное из которых – «*Греческое наёмничество IV в. до н.э. и кризис полиса*»⁸. Помимо всестороннего охвата феномена древнегреческого наёмничества, данный труд интересен для нас ещё и своим методологическим подходом, а именно – связью наёмничества с кризисом полиса. Нельзя не упомянуть и её статью 1968 г., посвящённую исключительно наёмникам периода Пелопоннесской войны⁹, выполненную также в ключе взаимовлияния наёмников и кризиса полисной системы. В эту же группу исследований входят «*Греческие наемники*» *Мэттью Грандла*¹⁰. Исследование Грандла, в целом, следует за Маринович – концентрируясь на тезисе о том, что наёмники играли центральную роль в истории Греции эпохи поздней классики. Однако, в отличие от вышеупомянутой работы Маринович, в нём уделяется внимание и более ранним периодам.

Из общих исследований по теме Древней Греции, нас интересует несколько работ. В первую очередь, это труды о проблемах сущности древнегреческого полиса и его кризиса – статьи *Л. М. Глускиной*, *Г. А. Кошеленко*, *И. Е. Сурикова* и других¹¹. Особую группу исследований составляют труды по эпохе архаики. Среди них – «*Архаическая Греция и Ближний Восток*» *В. П. Яйленко*¹², «*Греческое заморье*» *Дж. Боурдмена*¹³. Эти труды интересны своей широкой археологической аргументацией, позволяющей более точно устанавливать подлинность тех или иных письменных свидетельств. Также необходимо упомянуть 3 том

---

⁸ Маринович Л. П. Указ. соч.

⁹ Маринович Л. П. Наемники в период Пелопоннесской войны // Вестник древней истории. 1968. №4. С. 70 – 90.

¹⁰ Trundle M. Greek Mercenaries: From the Late Archaic Period to Alexander. London&NewYork, 2004.

¹¹ Глускина Л. М. Указ. соч.; Кошеленко Г. А. Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ 1980. №1. С. 3-27; Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т.1: Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 9-37; Суриков И. Е. Указ. соч.; Mitchell H. The Economics of Ancient Greece. Cambridge, 2014; Pecirka J. Ibid.

¹² Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990

¹³ Boardman J. The Greeks Overseas: Their Early Colonies and Trade. London, 1999.

«Кембриджской истории Древнего мира»¹⁴, являющий собой обширный справочно-библиографический материал, касающийся периода архаики. Кроме того, важно отметить концептуальные работы таких видных отечественных исследователей как, А. И. Зайцев¹⁵, И. Е. Суриков¹⁶, Э. Д. Фролов¹⁷. Наконец, немаловажную роль для данного исследования играют и труды, касающиеся различных культурных аспектов Древней Греции – самой греческой культуры в целом¹⁸; агона¹⁹; отношения к богатству²⁰; религии²¹ и т. п., которые чрезвычайно полезны для данного исследования в том, чтобы понять психологию полисных граждан.

Структура работы представляет собой введение, 2 главы, разделённые на параграфы, и заключение. В первой главе «*Полис и социально-психологические характеристики гражданина полиса*» нами рассматриваются характерные признаки полиса и некоторые историографические концепции, посвященные проблеме его формирования, а также психологические черты, характерные для простых граждан полиса. Во второй главе «*Распространение греческого наёмничества и социально-психологические характеристики греческих наёмников*» описаны факты службы греческих наёмников в государствах Ближнего Востока, роль наёмников в процессах становления, правления и угасания тираний в некоторых греческих полисах, а также повествуется об эпохе поздней классики, когда греческие наёмники вновь возвращаются на историческую сцену; наконец, в этой же главе нами предпринята попытка выявить психологические черты, характерные для наёмников, а также то, как традиционные, полисные черты преломлялись в их

---

¹⁴ Кембриджская история древнего мира. Т. 3. Ч. 3: Расширение греческого мира. VIII—VI века до н. э. М., 2007.

¹⁵ Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. СПб., 2000.

¹⁶ Суриков И. Е. Указ. соч.; Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис. Курс лекций. М., 2010. С. 8-54.

¹⁷ Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. СПб., 2004.

¹⁸ Баумгартен Ф., Поланд Ф., Вагнер Р. Эллинская культура. М., 2000; Зайцев А.И. Указ. соч.

¹⁹ Режабек Е. Я., Богданова М.А. Агон как имманентная характеристика культуры Древней Греции. // Вестник ДГТУ 2011. № 6(11). С. 911-916.

²⁰ Дюкарев В. А., Семичева Е. А. Ценностный статус богатства в представлениях древних греков классического периода по данным литературной традиции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология 2012. № 7 (126). С. 16-23.

²¹ Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998; Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии: несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 295-336.

мировоззрении.

Исследование данной темы опирается главным образом на *проблемно-хронологический* метод – так, в работе представлены две проблемы (формирование полиса и развитие наёмничества), которые рассматриваются нами в их постепенном развитии. Кроме того, используется и *сравнительно-исторический* метод – в работе сопоставляется мировоззрение простых граждан и наёмников. Наконец, *конкретно-исторический* метод позволяет чётко зафиксировать и описать факты службы наёмников в разные временные периоды.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы при изучении курса истории Древнего мира, всеобщей истории государства и права, а также специальных курсов по истории наёмничества.

Материалы исследования докладывались и обсуждались на девяти научно-практических конференциях²². Наиболее важные из них: I Всероссийская научная конференция молодых антиковедов и медиевистов «Scholia studiorum: пространство исторического нарратива» (Екатеринбург, 25-26 марта 2016 г.)²³, 54 международная научная студенческая конференция «МНСК-2016» (Новосибирск, 16-20 апреля 2016 г.)²⁴, IV Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии» (Омск, 27-28 октября 2016 г.)²⁵, Межрегиональная научно-практическая конференции студентов, аспирантов и школьников «История и политика в искусстве» (Красноярск, 26

---

²² Полный перечень публикаций см. в списке литературы.

²³ Молодец Д. С. К вопросу о роли наёмников в Пелопоннесской войне // Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции молодых антиковедов и медиевистов “Scholia Studiorum: пространство исторического нарратива” Екатеринбург, 25-26 марта 2016 г. / Екатеринбург, 2016. С. 20-21.

²⁴ Молодец Д. С. Греческие наемники в эпоху поздней классики по «Анабасису» Ксенофонта в свете проблемы кризиса полиса // Материалы 54-й международной научной студенческой конференции «МНСК-2016»: История / Новосибирск, 2016. С. 11-12.

²⁵ Молодец Д. С. Спарта́нские полководцы Пелопоннесской войны и кризис полиса // Материалы IV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии» (Омск, 27-28 октября 2016 г.) / Омск, 2016. С. 61-65.

апреля 2017 г.)²⁶.

---

²⁶ Молодец Д. С. Отражение мировоззрения древнегреческих наемников в архаической лирике // История и политика в искусстве: материалы Межрегиональной научно-практической конференции студентов, аспирантов и школьников. Красноярск, 26 апреля 2017 г. / Красноярск, 2017. С. 24-26.

ГЛАВА 1. ПОЛИС И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГРАЖДАНИНА ПОЛИСА

1.1. Сущность греческого полиса и процесс его формирования в архаический период

Архаический период – время загадочное и важное в истории Эллады. Загадочное потому, что существует крайне малое число источников, которые могут что-либо о нём поведать. Важность же ему придают происходящие тогда процессы. Главным из них стало становление полиса – основы греческой цивилизации. Великая греческая колонизация; возникновение, расцвет и падение раннегреческой тирании; культурный переворот – все это стало важной составной частью процесса становления греческой политической системы. Следовательно, изучение Эллады немислимо без уяснения всех особенностей процессов, происходивших в архаическое время.

Архаический период VIII-VI вв. до н.э. стал временем становления новой греческой государственности в форме полисного строя. Это был новый путь развития, отличный от устройства древневосточных обществ или древнейших государственных образований самой Греции II тысячелетия до нашей эры (так называемого крито-микенского периода). Что же представлял собой типичный греческий полис?

Обычно, определяя термин «полис», употребляют словосочетание «город-государство». Подобная формулировка признаётся некоторыми антиковедами не совсем корректной²⁷, ввиду того, что полис по своей сути не является ни городом, ни государством в чистом виде. Попробуем разобраться в этом вопросе, предварительно составив примерную характеристику типичного полиса.

Наиболее распространённый тип²⁸ полиса имел территорию около 100-

---

²⁷ Историографический обзор см. у: Кошеленко Г. А. Полис и город: к постановке проблемы. С. 3-5.

²⁸ Оговорка не случайна – из этой классификации частично выпадают такие полисы, как Спарта и Афины – их площадь и количество населения были несравненно выше. Также Афины, к примеру, имели не один, а два городских центра, а Спарта и вовсе не имела такового.

200 кв. км., с населением в 5-10 тыс. человек. В центре полиса находился городской центр, где собиралось народное собрание, находились храмы богов и ремесленные мастерские. Город стоял или на берегу моря, или в нескольких километрах от морской гавани. Также на центральной площади велась торговля, проводились общеполисные празднества и спортивные состязания. Городской центр окружался хорой – сельскохозяйственной округой.

Основой полисной экономики являлось сельское хозяйство. В зависимости от природных условий, оно включало в себя разные отрасли: хлебопашество, виноградарство, оливководство, огородничество, скотоводство.

Ядро социальной структуры полиса составлял гражданский коллектив, включавший в себя полноправных граждан. Как правило, это были свободные коренные жители, владевшие наследственным земельным участком и принимавшие участие в деятельности народных собраний, а также в военных формированиях. Отсюда сложилась и определённая система духовных ценностей, а именно: определение гражданина, как свободной личности, обладающей совокупностью политических прав (владеть землёй и участвовать в политическом управлении) и обязанностей (защищать полис от врага).

Помимо гражданского коллектива, в число жителей полиса входили метеки (неполноправные, но свободные) и рабы. Следует отметить, что роль рабского труда в VI в. до н.э. была сравнительно небольшой – он использовался лишь в крупных поместьях и ремесленных мастерских.

Вернёмся теперь к теме вопроса термина «город-государство». Насколько полис ему соответствует? Приведём некоторые сравнения:

Полис: • Мог включать в себя несколько городских центров; • в основном, сельскохозяйственное поселение.	Город: • Единственное поселение; • центр промышленности/ремесла.
Полис: • Малая территория; • отсутствие профессиональных управленцев;	Государство: • В основном, большая территория; • профессиональные управленцы и чиновники;

• гражданское ополчение; • система литургий.	• профессиональная армия; • регулярные налоги.

Как мы видим, классический полис отличается как от определения города, так и определения государства по целому ряду критериев. Однако, наиболее универсальным, по нашему мнению, следует считать критерий наличия суверенитета – независимости государства во внешних и верховенство государственной власти во внутренних делах. Так же, как и государство, полисные органы власти были независимы в своих делах – как внешних, так и внутренних. Кроме того, привычное для нас понятие «город» сформировалось в Европе эпохи Средневековья. В античное же время категории «город» и «деревня» не противопоставлялись, поскольку городской и сельскохозяйственный центры в совокупности и представляли собой полис²⁹. Из этих заключений исходит и И.Е. Суриков³⁰, определяя полис как «городскую гражданскую общину, конституирующую себя как государство».

Таким образом, на наш взгляд, «полис» можно трактовать как особую форму социально-экономической и политической (государственной) организации общества, характеризующуюся монополией землевладения внутри гражданского коллектива, гражданским ополчением как основной военной силой и участием полноправных граждан в государственном управлении³¹.

Обратимся же теперь к концепциям непосредственно возникновения полиса в архаический период.

Два процесса – возникновения архаического и формирование на его основе классического полиса – Суриков³² называет двумя «архаическими революциями» (понимая под революцией не некий насильственный переворот,

²⁹ Следует, тем не менее, добавить, что Афины эпохи классики имели разные типы поселений, зачастую неоднозначные; это же отразилось и в языке, конкретно – в терминологии (например древнегреческий термин «кома» (κόμη) обозначал деревню, село или квартал города; а производное от него – «комос» (κόμος) – обозначало ритуальное шествие в честь бога Диониса). Однако более пристальное рассмотрение этого вопроса заслуживает темы отдельного исследования. Подробнее см.: Андреев Ю. В. Гомеровский полис // Раннегреческий полис (гомеровский период). Л.: Издательство ленинградского университета, 1976. С. 32-46.

³⁰ Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. с. 25.

³¹ Кошеленко Г. А. Указ. соч. С. 3-29; Кузицин В. И. История Древней Греции. М., 1996. С. 126–130; Зайцев А. И. Указ. соч. с. 244.

³² Суриков здесь ссылается на Э. М. Снодграсса, который вывел само понятие архаической революции, и претендует лишь на авторство гипотезы о двух таких революциях. См.: Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох. с. 11.

а качественный скачок и выход на новый уровень). В ходе первой из них произошло формирование полиса из распавшихся монархий микенского периода. Этот процесс завершился к середине VII в. до н.э., то есть охватил собой первую половину эпохи архаики. Главным элементом первой «революции» стало складывание системы полисных институтов, в частности – создание набора базовых магистратур. На примере Афин этот процесс можно проследить так: должность становится выборной, затем постепенно происходит сокращение срока пребывания в ней: сначала до 10 лет, затем – до года; одновременно расширяется и круг лиц, имеющих право занимать эту магистратуру – от единого царя до девяти архонтов. Вторая «революция» завершилась в основном к рубежу VI-V вв. до н.э. К её результатам можно отнести кодификацию права, введение гоэлитской фаланги, развитие классического рабства, а также резкую интенсификацию внутриволисных смут, и, как следствие, частое установление тиранических режимов.

Э. Д. Фролов, ссылаясь на «Археологию»³³ Фукидида, отмечает две эпохи в жизни греческого полиса. В «древности» города не имели укреплений, и являли собой скорее объединения деревень, нежели города в привычном понимании (Thuc. I. 2-19). Поскольку в это время процветало пиратство и войны ради добычи, города располагались чаще всего в глубине страны – вдали от побережья (Thuc. I. 5). Напротив, в «новейшее» время, на смену пиратству пришла торговля, и города стали основываться уже на побережьях, укрепляясь стенами для защиты (Thuc. I. 7). Также Фроловым отмечается и подтверждается следующий тезис Фукидида: существовала принципиальная связь между успехами мореплавания, развития морских промыслов – торговли и пиратства – и ростом богатства и становлением городов у греков (Thuc. I. 7-8)³⁴.

Таким образом, приведённые нами некоторые концептуальные соображения показывают, что, помимо всех прочих факторов, формированию классического полиса способствовало:

---

³³ Первые 23 главы I книги его «Истории», где он приводит сжатый исторический очерк греческой истории до Пелопоннесской войны.

³⁴ Фролов Э. Д. Указ. соч. С. 84–86.

1. развитие морского дела и контактов с другими народами³⁵ на самых ранних этапах;

2. внутриволисная смута и установление тираний на более поздних этапах.

О влиянии наёмников на эти процессы подробнее будет рассказано во второй главе. Однако перед этим необходимо разобраться, что представляло собой классическое волисное сознание.

1.2 Социально-психологические характеристики гражданина волиса

Выше нами было дано определение волиса, которое активно связано с понятием гражданина. В первую очередь это вполне объяснимо тем, что волис фактически обеспечивал существование населяющих его граждан. Платон, например, считал, что возникновение волиса обусловлено необходимостью удовлетворения потребностей в пище, жилье и одежде, и эти потребности человек может удовлетворить лишь находясь в сообществе таких же людей (Plat. Resp. II. 369). В псевдо-Аристотелевской «Экономике» также указывается, что люди объединяются в волис ради благополучной жизни и совместного ведения хозяйства (Pseudo-Arist. Oec. фр.1343а). Таким образом, в сознании греков волис представлял собой высшую форму организации государственного бытия в форме объединения коллектива граждан³⁶. Вообще коллективизм – один из главных принципов существования волиса. Примечательна здесь история про спартанского полководца Павсания – однажды он самовольно попытался принести дар в честь победы над мидийцами в Дельфы, причём сделал это только от своего имени. Это вызвало сильное возмущение у его сограждан, и они заставили сделать этот дар от всех эллинских городов, участвовавших в сражении. Весьма показательно и то, что этот случай лакедемоняне припоминали Павсанию в качестве обвинения³⁷ и доказательства его нежеланий подчиняться обычаям (Thuc. I. 132). Идеи коллективизма

³⁵ Зайцев А. И. Указ. соч. С. 78-88.

³⁶ См. также: Кошеленко Г. А. Древнегреческий волис. С. 9-37

³⁷ Павсаний обвинялся в сношениях с персами во время греко-персидских войн (Thuc. I. 130-131).

прослеживаются и через весь «Анабасис» Ксенофонта – особенно наглядно это иллюстрирует эпизод, где один из эллинов отказался нести тяжело раненного товарища, решив похоронить его. Сам воин аргументировал это тем, что раненный всё равно скоро умрёт, после чего получил от Ксенофонта удар, а остальные его поддержали, говоря, что тот «еще мало его бил» (Xen. Anab. V. 8. 8-12).

Некоторой противоположностью полисному коллективизму был принцип состязательности – или агон, который, в отличие от коллективизма, позволял проявить свои способности и продемонстрировать свою индивидуальность. Практически все важнейшие социальные процессы в Древней Греции проходили в форме состязательности. Исследователь Ф. Баумгартен писал: «Ни один народ не сознавал в такой мере, как греки, необходимость напряжения всех сил для создания чего-либо выдающегося. Самым же естественным у них стимулом для этого являлось соревнование в форме *агона* [...] Этот принцип соревнования распространялся на всевозможные области жизни, от самых возвышенных проявлений до самых низменных, и создавал все новые формы»³⁸. В состязании шло становление античной философии и искусства, решались проблемы устройства полисных отношений, даже повседневная жизнь древних греков была пронизана агонем. Так, традиция агона постоянно сопровождает античную поэзию: например, в «Илиаде» Гомера певец Фамир был готов состязаться в пении с музами (Hom. II. II. 595). Певческий агон упомянут в «Трудах и днях» Гесиода (Hesiod. WD. 650-660). Множество более поздних авторов также включают агон в свои сюжеты: «Состязание Геликона с Кифероном» Коринны, «Идиллии» Феокрита (Коринна, фр. 3; Theocritus. Idyll. I. 20-25). О состязаниях много написано и у греческих историков: Фукидида (Thuc. I. 6; III. 37-38), Ксенофонта (Xen. Anab. IV. 8. 25-28; Xen. Hell. I. 2. 1) и многих других. Наиболее же известной и самой распространённой формой

---

³⁸ Баумгартен Ф., Поланд Ф., Вагнер Р. Указ. соч. с. 115.

состязаний в античной Греции были Олимпийские игры³⁹. Спортивный агон был одной из главнейших составляющих ментальности и культуры древних греков.

Своеобразным регулятором коллективных отношений служила система ценностей, выработанная полисом. Она характеризуется рядом своеобразных черт. Одна из них – концепция, согласно которой труд на собственной земле (занятие сельским хозяйством) представлял *основную добродетель* гражданина, высшую ценность. Лучше всего эта мысль выражена в псевдо-Аристотелевской «Экономике»: «Из способов приобретения имущества главным является тот, который дается природой. А природой дается, в первую очередь, обработка земли и во вторую – все способы приобретения из-под земли, как, например, добыча металлов и т.п. Но земледелие – самое главное, потому что оно справедливо» (Pseudo-Arist. Оес. I. 2). Труд в сельском хозяйстве для грека – способ *жизни*, наиболее полно отвечающий гармонии в природе, а не способ *производства* товаров для обмена или торговли. Поэтому занятие ремеслом и торговлей считалось менее достойным занятием, нежели сельский труд. В своём «Домострое» эту мысль довольно чётко сформулировал Ксенофонт, вкладывая следующие слова в уста Сократа: «Действительно, занятие так называемыми ремеслами зазорно и, естественно, пользуется очень дурной славой в городах» (Xen. Оес. IV. 2). Сократ здесь даже называет ремесленников «непригодными для дружеского сообщества и плохими защитниками отечества», а впоследствии советует своему собеседнику (Критобулу) последовать примеру персидского царя Артаксеркса II, который «считает одними из самых благородных и нужных занятий земледелие и военное искусство и чрезвычайно заботится о том и о другом» (Xen. Оес. IV. 3-4). Схожие мысли высказывает и Аристотель в своей «Политике» (Arist. Pol. 1278a).

Для греческой мысли было характерно и отрицательное отношение к

---

³⁹ Хотя стоит всё же отметить, что спортивные состязания были не только в форме Олимпийских игр, но и многих других – Истмийских, Немейских, Панафинейских и др.

богатству. Возможно, именно поэтому большинство философов связывало упадок полиса в IV веке до н.э. с распространением корыстолюбия⁴⁰. Демосфен в одной из своих речей называл богачей «непорядочной публикой» (Dem. XLIX. 68). Хотя есть предположение, что это утверждение было характерно только для метеков – неполноправных жителей Аттики⁴¹. Г. Митчелл, например, писал, что для граждан Афин (противопоставляя их «богачам Демосфена») богатство никогда не представляло высшую ценность и не могло стать главной целью его существования⁴². Однако подобное мнение было характерно для поздней классики (ведь Демосфен жил в IV в. до н.э.). А, например, в трагедиях Эсхила и Софокла периода ранней классики богатство отождествляется с успехом и счастьем (Aesh. Pers. 841; Soph. O.T. 512). Вероятнее всего, это объясняется тем, что в начале V в. до н.э. влияние аристократов в Афинах было достаточно велико, власть отождествлялась с богатством и, следовательно, Софокл и Эсхил не испытывают необходимости в порицании богачей. Однако, уже трагик Еврипид (который был младше Софокла всего на 12 лет) отмечает в своих произведениях иное отношение к богатству – говоря о том, что от богачей для города нет пользы (Eur. Supp. 238-250) и отмечая, что все граждане, вне зависимости от их экономического положения, имеют равные права (Eur. Supp. 407). Дело в том, что к началу IV в. до н.э. происходит постепенное расслоение аристократии как социального слоя на фоне появления большого количества состоятельных метеков. Следовательно, и богатство к этому времени теряет своё прежнее значение, как один из обязательных (наряду с происхождением) атрибутов благородства и сопутствующих ему положительных качеств человека – честности, справедливости и т.п.⁴³

Определённой иллюстрацией отношения греков к богатству может служить и обычная для греческих полисов практика литургий – общественных

---

⁴⁰ Кошеленко Г. А. Указ. соч. с. 28.

⁴¹ Дюкарев В. А., Семичева Е. А. Указ. соч. с. 17.

⁴² Mitchell H. Ibid. p.15.

⁴³ Дюкарев В. А., Семичева Е. А. Указ. соч. С. 18-19.

повинностей, налагаемых на самых богатых граждан. «Домострой» Ксенофонта ярко описывает траты богатого гражданина Афин: последний должен был тратиться, во-первых, на жертвы для богов, во-вторых, роскошным образом содержать много иностранцев, в-третьих, щедро угощать собственных сограждан, и, наконец, соблюдать большие государственные повинности – содержать лошадей, устраивать гимнастические игры, снаряжать морские суда в случае войны и т.д. (Xen. Oec. II. 5-6). Г.А. Кошеленко предполагает, что практика литургий отражала не только представления о полисе как верховном собственнике, но и являлась тенденцией к определённом выравниванию имущественных отношений⁴⁴. Вообще литургия – это очень интересная сторона жизни полиса, так как она сочетает в себе два важных принципа полисного сознания: коллективизм (поскольку идёт трата средств на общественные нужды) и агон (поскольку присутствует некоторая состязательность в том, кто из граждан способен больше потратить на общественные нужды, тем самым демонстрируя, кто из них полезнее для полиса).

Ещё одной важнейшей характерной особенностью полисной общины является её военная организация. А точнее – совпадение политической и военной организации полиса. Это выражалось в том, что гражданин-собственник одновременно являлся и воином, обеспечивающим безопасность полиса (и своей личной собственности в том числе). Связь военной организации полиса с политической показывает и Аристотель в своей «Политике» – так, он утверждает, что «управление государством должно принадлежать исключительно людям, имеющим возможность приобрести оружие на собственный счет» (Arist. Pol. фр. 1297b). В качестве непосредственного примера он приводит раннюю Грецию, где «после упразднения монархического строя»⁴⁵ полноправными гражданами первое время были именно воины, а ещё точнее – всадники, поскольку в то время именно конница являла собой ядро вооружённых сил. Позднее, с ростом

---

⁴⁴ Кошеленко Г. А. Полис и город: к постановке проблемы. с. 25.

⁴⁵ Очевидно, здесь имеется в виду упадок ранней греческой тирании – около V века до нашей эры.

государств и военного искусства, большую роль начинает играть и тяжеловооружённая пехота, что повлекло за собой участие в государственном управлении более широких слоёв населения (Arist. Pol. IV. X. 10). Нельзя здесь не упомянуть ещё и характерный для греческого военного искусства способ построения пехоты фалангой⁴⁶, который олицетворял собой символ гражданского единства, независимо от благосостояния и положения в обществе каждого отдельного воина в мирное время.

Вообще в том, что касается военной организации полиса, следует ещё отметить долгое отсутствие *специальной* подготовки – как воинов, так и стратегов – солдатское ремесло было общественной обязанностью, а не профессией. Довольно интересны здесь размышления Ксенофонта в его «Домострое», где он пишет о том, что военную подготовку обеспечивало занятие земледелием: оно служит упражнением и укрепляет тело, даёт возможность содержать коня, а также в целом побуждает человека защищать свою страну с оружием в руках, поскольку его собственная земля может стать добычей врага, оставив земледельца без средств к существованию (Xen. Oec. V. 1-8).

Психологию греческого этноса невозможно понять и оценить без обращения к его религиозным верованиям. Многие исследователи называют греческую цивилизацию в такой же степени религиозным феноменом, как и феноменом социально-политическим или культурным⁴⁷.

Религия древних греков примечательна тем, что, в отличие, например, от религий Древнего Востока (которые, по сути, были такими же языческими), она не претендовала на роль всеобъемлющей идеологической системы, которая охватывала бы и подчиняла себе все формы духовной деятельности человека, включая мораль, право и философию. Причиной этому исследователь Андреев считает характерный для древнегреческой религии адогматизм, т.е. «отсутствие

---

⁴⁶ Плотный строй воинов в несколько шеренг.

⁴⁷ См.: Нильссон М. Указ. соч.; Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии: несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. с. 295.

единого, систематически изложенного и обязательного для всех вероучения»⁴⁸. В самом деле – у греков не существовало каких-либо богословов или религиозных авторитетов. Их роль приняла на себя архаическая поэзия. Геродот, например, утверждал, что эллины узнали о родословной богов, а также их образах, делах и т.п. от Гомера и Гесиода, которые дали богам имена и прозвища, а также «разделили между ними почести» (Hdt. II. 53).

Религиозные верования и обряды занимали значительное место в жизни древних греков. К богам обращались во время войны и мира, их призывали на помощь в критических ситуациях и при совершении особо важных поступков (например, заключении брака или переселении в другие края); в их честь устраивали праздники, атлетические состязания, театральные представления, а также приносились жертвы и строились храмы⁴⁹.

Таким образом, рассмотрев определённые психологические черты жителей античного полиса, можно утверждать, что для греков-граждан была характерна особая привязанность к родному полису и его жителям (т.е. фактически своим соседям); одобрялось занятие «честным» трудом, приносящим пользу – земледелием и, в некоторых случаях, ремеслом (при довольно неоднозначном отношении греков к деньгам и богатству: от положительного в ранней классике – к отрицательному в поздней); довольно органично в греческом сознании и быте уживались принципы коллективизма и индивидуальной соревновательности (агона); наконец, особую часть их жизни занимала религия.

Как же в подобную картину вписывались наёмники?

---

⁴⁸ Андреев Ю. В. Указ. соч. с. 299.

⁴⁹ Андреев Ю. В. Указ. соч. С. 309-310.

ГЛАВА 2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ГРЕЧЕСКОГО НАЁМНИЧЕСТВА И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГРЕЧЕСКИХ НАЁМНИКОВ

Первое и главное отличие наёмников от воинов-граждан – наёмники в первую очередь сражаются за материальное вознаграждение, а не идеалы своего родного полиса. Как это отразилось в мировоззрении греков-наёмников? Каким образом это повлияло на процесс разложения полисной системы? Прежде, чем ответить на эти вопросы, следует обратиться к самим фактам службы наёмников в различные исторические периоды.

Как уже упоминалось выше, впервые на исторической сцене мы встречаем наёмников на службе у правителей Древнего Востока архаического периода (VIII-VI века до н.э).

2.1 Греки-наёмники на Востоке в архаический период

По словам Геродота, морских разбойников – ионян и карийцев – принял к себе на службу египетский фараон Псамметих I (ок. 664-610 гг. до н. э.), склонив их на свою сторону «великими посулами» (Hdt. II. 152). Геродот здесь представляет греков как странствующих по морю воинов, которые появились в Египте лишь случайно. Однако, есть и другие свидетельства – Диодор Сицилийский, к примеру, утверждает, что фараон специально привёл их из Малой Азии (Diod. I. 66. 12). Подтверждение этому можно найти и в ассирийской надписи, где царь Ашшурбанипал сообщает, что наёмники были присланы в помощь Псамметиху лидийским царём Гигесом⁵⁰. Так или иначе, наёмники прибыли в Египет, и с их помощью Псамметих укрепил свою власть в Нижнем Египте, подавив северных правителей. Впоследствии, Псамметих даровал этим наёмникам участки земли для поселения на обоих берегах Нила (Hdt. II. 154).

---

⁵⁰ Парк Г. У. Указ. соч. с. 10; Яйленко В. П. Указ. соч. с. 199.

Сын Псамметиха Нехо II (610-595 гг. до н.э.) вёл активную внешнюю политику, также прибегая к помощи греков – не только пеших наёмников, но и флота⁵¹. Наёмники-греки участвовали в битвах при Мегиддо и Кархемише 609 и 605 гг. до н.э. соответственно, о чём свидетельствуют археологические находки – щит одного из греков-наёмников, а также сотни наконечников копий, дротиков и стрел⁵².

Сын Нехо Псамметих II около 591 г. до н.э. совершил поход в Нубию (Hdt. II. 161), в котором принимали участие и греческие наёмники. В городе Элефантина, на статуе Рамсеса II сохранились надписи с автографами греков-участников похода⁵³.

Следующее непосредственное упоминание наёмников у Геродота относится к правлению фараона Априя (ок. 589-567 гг. до н.э.) – сына Псамметиха II. Неудачный поход против Кирены⁵⁴ привёл к восстанию в самом Египте, для подавления которого Априй собрал армию в 30 тысяч наёмников – карийцев и ионян. В битве у города Момемфиса «наёмники храбро сражались, но всё же потерпели поражение, так как значительно уступали врагам численностью» (Hdt. II. 161-169).

Преемник Априя Яхмос I⁵⁵ переселил наёмников Псамметиха I в Мемфис, «сделав их телохранителями для защиты от своих же египтян» (Hdt. II. 154).

Имеются некоторые свидетельства о службе наёмников греческого происхождения и в войсках вавилонских царей (периода Нововавилонского царства – 626-539 гг. до н.э.). Например, одним из наёмников в Вавилоне был Антименид, старший брат поэта Алкея, написавшего в честь возвращения брата стихотворение (пер. В. И. Иванова):

От пределов земли

Меч ты принес домой;

Рукоять на мече

---

⁵¹ К примеру, Геродот упоминает о его вторжении в Сирию на коринфских триерах (Hdt. II. 159).

⁵² Яйленко В. П. Указ. соч. С. 204-205.

⁵³ Указ. соч.

⁵⁴ Кирена – город, основанный греками в Восточной Ливии.

⁵⁵ Он же Амасис II – на греческий манер.

*Кости слоновой,
Вся в оправе золотой.
Знать, вавилонянам
Воин пришлый служил
Доблестью эллинской!
Ставкой — жизнь. Чья возьмет?
И великана ты
Из царевых убил,
Единоборствуя,
Чей единый был дрот
Мерю в пять локтей.*

Некоторые исследователи⁵⁶ полагают, что Антименид служил в Палестине в армии Навуходоносора II (ок. 634-562 гг. до н.э.), ссылаясь на папирусный фрагмент стихотворения Алкея, в котором упоминаются Вавилон и Аскалон⁵⁷.

Также можно предположить, что наёмники-греки были и во времена правления Асархаддона (ок. 680-669 гг. до н.э.) – так, Яйленко указывает на фрагмент 5(7) греческого историка Абидена, в котором тот упоминает поход царя на город «Bizaniton, который прежде собирал ему [Асархаддону] наёмные отряды, и из которого происходил Пифагор». Яйленко предполагает, что поставляемые наёмники вполне могли быть греками⁵⁸, связывая с ними упомянутый город бизанитов.

Таким образом, греческие наёмники активно использовались правителями Древней Месопотамии и Египта для самых разнообразных целей – в составе армии для внешних походов, для подавлений восстаний внутри собственного государства, а также в качестве личных телохранителей. О конкретных цифрах касаясь численности наёмников говорить не приходится,

---

⁵⁶ Помимо исследования Дж. Эдмондса (Edmonds J. *Lyra Graeca* Volume I. London: William Heinemann Ltd., 1922, p. 405), Яйленко (Указ. соч. с. 190) также упоминает И. Квинна, и Э. Бэрна, не ссылаясь на конкретные работы.

⁵⁷ Город на юго-западе Израиля, разрушенный Навуходоносором II в декабре 604 г. до н.э.

⁵⁸ Яйленко В. П. Указ. соч. с. 186.

но можно отметить, что их число порой достигало внушительных размеров⁵⁹.

2.2 Греки-наёмники в Элладе в архаический период

Наёмные воины периода архаики вошли в историю не только как военная сила восточных правителей, но и как сила греческих тиранов. Первые тиранические режимы устанавливаются в Греции в VII-VI веках до нашей эры. Вместе с ними на службе в Греции появляются и греческие наёмники. Далее мы рассмотрим тиранию в различных полисах и роль наёмников в ней. Тирании возникали во многих полисах, но мы остановимся на таких примерах, как Коринф, Афины и Самос⁶⁰.

Первым тираном в **Коринфе** стал Кипсел, сын Эйтиона, по матери восходящий к дорийскому аристократическому роду Бакхиадов. По легенде, указанной Геродотом (Hdt. V. 92), Кипсел, спасая свою жизнь от Бакхиадов, бежал из Коринфа, благодаря отцу. Спустя некоторое время, получив предсказание от дельфийского оракула о своём будущем царствовании, Кипсел вернулся в Коринф и захватил власть в 657 г. до н.э.

Не претендуя на установление подлинности этой легенды, обратимся к самому правлению Кипсела. Аристотель в своей «Политике» (Arist. Pol. V. 8. 4) относит Кипсела к числу тиранов-демагогов. Таким образом, можно утверждать, что Кипсел пользовался популярностью у простого народа, и, следовательно, вряд ли нуждался в телохранителях. Тут следует обратиться к следующему высказыванию Аристотеля: «Охрана царя состоит из граждан, охрана тирана – из наемников» (Arist. Pol. V. 8. 6). Здесь у Аристотеля наблюдается некоторое противоречие в терминологии: разграничивая понятия «тиран» и «царь», он обращает внимание на сущность их правления – тиран принижает население и разоружает народ, чтобы он не поднял восстание, царь же заботится обо всём населении. Подобное определение тирана расходится с определением тирана-демагога – Аристотель здесь же упоминает, что такой

---

⁵⁹ Например, одна египетская надпись в Элефантине гласит о бесчисленном множестве греков в войске Априя, которые наводнили дельту Нила своими кораблями (см. Яйленко В. П. Указ. соч. с. 207).

⁶⁰ Александров М.А. Указ. соч.

тиран является ставленником из народа, призванным защищать его интересы от посягательств знати. Таким образом, у Аристотеля Кипсел получается тираном по своей форме, но не по существу. У Николая Дамасского мы обнаруживаем схожее, но более прямое свидетельство: «Кипсел же спокойно правил Коринфом, не имея при себе копьеносцев и не вызывая ненависти у коринфян» (Nic. Dam. fr. 58). Иными словами, можно предположить, что если у Кипсела и была нужда в телохранителях, то они набирались скорее из числа граждан, а не наёмников.

Кипсел правил 30 лет, и, после его смерти в 627 году до нашей эры, власть в Коринфе унаследовал его сын Периандр. Аристотель и Николай Дамасский единообразно говорят о его жестоком и деспотичном правлении, без сомнений называя его «классическим» тираном (Arist. Pol. V. 9. 2; Nic. Dam. fr. 67). Николай в том же фрагменте упоминает его боязнь заговоров и соответствующий ей запрет собираться на рыночной площади, а также 300 телохранителей-копьеносцев. Вероятно, эти телохранители уже были наёмниками⁶¹. Помимо прочего, Аристотель характеризует Периандра как «человека воинственного» (Arist. Pol. V. 9. 21), а Николай упоминает о его морских походах (Nic. Dam. fr. 67), но у нас нет оснований утверждать, использовал ли Периандр наёмников в походах против других полисов.

Умер Периандр в 587 г. до н.э., проправив таким образом 40 лет. Наследником своей власти в Коринфе он назначил своего племянника Псамметиха, который однако правил не больше трёх лет – вскоре коринфяне организовали заговор и убили его, освободив город от тирании (Arist. Pol. V. 9. 21; Nic. Dam. fr. 68-69).

В **Афинах** тирания была представлена родом Писистратидов. Писистрат, сын Гиппократа, при помощи предоставленных ему демосом телохранителей-дубинщиков захватил афинский Акрополь в 560 году до нашей эры, став тираном. Однако, через некоторое время, приверженцы Мегакла и Ликурга изгнали Писистрата из Афин (Arist. Ath. pol. XIV. 1-3). Опустим рассказ о его

---

⁶¹ Парк Г. У. Указ. соч. с. 15.

второй тирании, лишь отметив, что продлилась она чуть менее года и так же закончилась изгнанием.

Второе изгнание, продлившееся 10 лет (556-546 гг. до н.э.), не отбило у Писистрата желания получить власть, но в этот раз он стал готовиться основательнее. Сначала, прибыв в Эретрию, он запасся деньгами, предоставленными ему городами, которые «были ему чем-либо обязаны», а затем на вербовал аргосских наёмников из Пелопоннеса⁶² (Hdt. I. 61). Так говорит Геродот. Аристотель сообщает о том же, но с небольшой оговоркой – деньгами и наёмниками Писистрат запасался во Фракии, и только затем отправился в Эретрию (Arist. Ath. pol. XV. 2). Также и Геродот и Аристотель упоминают Лигдамида из Наксоса⁶³, который приехал к Писистрату в Эретрию с деньгами и людьми (Hdt. Ibid; Arist. Ibid). Со всем этим Писистрат отправился в Аттику, первоначально захватив Марафон, а затем разбил афинян у храма Афины Палленской и снова сделался тираном (Hdt. I. 62-63; Arist. Ath. pol. XV. 3). На этот раз, Писистрат упрочил свою власть отрядами наёмников и «денежными сборами как из самих Афин, так и из области на реке Стримоне»⁶⁴ (Hdt. I. 64).

После смерти Писистрата в 527 году до нашей эры, власть унаследовали его старшие сыновья: Гиппий, стоявший во главе правления, и Гиппарх, занимавшийся вопросами культуры (Arist. Ath. pol. XVII. 3). Тирания Гиппия (в определении Аристотеля) началась после убийства Гиппарха в результате заговора в 514 г. до н.э. – мстя за брата, Гиппий «многих перебил и изгнал и вследствие этого стал всем внушать недоверие и озлобление» (Arist. Ath. pol. XIX. 1). Наёмной силы Гиппию категорически не хватало даже для собственной

---

⁶² Следует сказать, что по Аристотелю – собранная Писистратом тысяча аргивян не была наёмниками, сражаясь на его стороне лишь по долгу дружбы (Arist. Ath. pol. XVII. 3).

⁶³ После захвата власти в Афинах, Писистрат захватил остров Наксос, который передал Лигдамиду во владение (Hdt. I. 64).

⁶⁴ Г.А. Стратановский (в примечаниях к переводу «Истории» Геродота, см. изд.: Л.: Наука, 1972) указывает, что здесь имеются в виду серебряные рудники в Аттике и на реке Стримоне во Фракии. Кроме того, Аристотель сообщает о взимании 1/10 доходов с обрабатываемых земель у афинян (Arist. Ath. pol. XVI. 4).

безопасности⁶⁵, о чём пишет Аристотель: «положение его в городе стало настолько ненадежным, что он начал укреплять Мунихию⁶⁶, намереваясь туда переселиться» (Arist. Ath. pol. XIX. 2). Наёмников не хватало и для сохранения внешней безопасности – когда лакедемоняне отправились свергать афинскую тиранию⁶⁷, на помощь последней был призван фессалиец Киней во главе тысячи всадников (Arist. Ath. pol. XIX. 5). Тем не менее, спартанцы не отступили и в 510 г. до н.э. осадили Гиппия в акрополе, после чего тот пытался бежать, но был схвачен и сдал акрополь афинянам при архонте Гарпактиде (Arist. Ath. pol. XIX. 6).

Обстоятельства установления тирании на острове **Самосе** были следующими – по свидетельству историка Полиэна (Polyaen. I. 23. 2), Поликрат, сын Эака, захватил власть около 535 г. до н.э., использовав присланных тираном Наксоса Лигдамидом наёмников. Поначалу, Поликрат правил вместе с двумя своими братьями – Пантагнотом (которого вскоре убил) и Силосонтом (которого вскоре изгнал). Позднее, по сообщению Геродота, кроме наёмников, армия Поликрата стала состоять из 1000 местных лучников и 100 пентеконтер (пятидесятивёсельных кораблей), которые активно использовались им в морских грабежах, захвате островных и материковых городов (Hdt. III. 39).

В 522 г. до н.э. Поликрата хитростью заманил персидский сатрап Орет в Магнесию на Меандре⁶⁸, где тиран был им убит «способом, который не хочется описывать» и распят (Hdt. III. 122-125). Преемник Поликрата, Меандрий, продолжал пользоваться наёмниками – в частности, с их помощью на Самосе были атакованы знатные персы, посланные Дарием для передачи острова во владение Силосонту – изгнанному брату Поликрата. Но вскоре наёмники были потеснены персами, а Меандрий сбежал с острова и отплыл в Лакедемон (Hdt. III. 145-146).

---

⁶⁵ Что, вероятно, частично можно объяснить недостатком средств, а именно потерей контроля над Фракией и серебряными рудниками, в результате персидского завоевания Дарием I (Hdt. V. 2). Также см.: Парк Г.У. Указ. соч. с. 16.

⁶⁶ Афинская гавань, восточнее Пирея.

⁶⁷ Подобную идею им внушила пифия Дельфийского оракула, подкупленная афинскими изгнанниками Алкмеонидами с целью свергнуть Писистратидов (Hdt. V. 62-63; Arist. Ath. pol. XIX. 3-5)

⁶⁸ Город в Ионии, расположенный на притоке реки Меандр.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что греческие тираны использовали наёмников в качестве личной гвардии. Что же касается их использования во внешних кампаниях – с полной уверенностью говорить об этом не приходится, поскольку в источниках явных сведений об этом нет.

Ранние греческие тираны сходят с исторической сцены в начале V в. до н.э. вместе со своей охраной – греческими наёмниками – по одной и той же причине. Окончательное формирование полисной системы обеспечило место в политической жизни каждому гражданину, сделав контроль полисных правительств более реальным. Это и положило временный конец тирании (а вместе с ней и наёмничества) в Греции⁶⁹.

Возвратимся же теперь к вопросам, поднятым в начале этой главы. Каким было мировоззрение наёмников? Как оно отличалось от мировоззрения простых граждан полиса? Ниже мы постараемся ответить на эти вопросы применимо к периоду архаической Греции.

2.3 Социально-психологические характеристики «архаических» наёмников

Однако прежде чем приступать к характеристике психологии наёмника, следовало бы рассмотреть само наёмное войско как боевую единицу. Довольно любопытную⁷⁰ и весьма красноречивую характеристику войска наёмников даёт афинский ритор Исократ, вложивший следующие слова в уста спартанского царя Архидама III: это войско свободно от повседневных забот и занято исключительно войной; это войско независимо от какой-либо государственной власти; это войско способно располагаться под открытым небом и передвигаться в любом направлении; наконец, это войско считает всякую пригодную для войны местность своим отечеством (Isocr. Arch. 76-78).

Из этих слов можно сделать вывод, что у наёмников, очевидно,

---

⁶⁹ Парк Г. У. Указ. соч. с.17.

⁷⁰ Л. П. Маринович, например, утверждает, что данное свидетельство – единственная в своём роде полная характеристика наёмного войска в литературе IV в. до н.э. (см.: Маринович Л. П. Греческое наёмничество IV в. до н.э. и кризис полиса. с. 224).

отсутствовала связь с их родным полисом (с некоторыми оговорками⁷¹), а также основным видом их деятельности являлось военное ремесло. Именно здесь наёмники вступают в первое – и основное – противоречие с простыми гражданами. Но об этом будет ещё сказано позднее. Обратимся всё же к самому первому появлению наёмников на исторической сцене – периоду архаики.

При рассмотрении данного вопроса необходимо обращаться к свидетельствам, которые оставлены самими наёмниками. В отличие от более поздних периодов, применимо к архаике, у нас имеется не так много источников на эту тематику. Фактически, всего один – поэзия Архилоха. Безусловно, по одному Архилоху нельзя с полной уверенностью судить о мировоззрении всего наёмничества как социальной группы, но, тем не менее, обратившись к его сочинениям, мы можем составить некоторый психологический портрет наёмника.

По своему происхождению, Архилох был незаконнорождённым сыном знатного паросского гражданина Телесикла и его фракийской рабыни Энипо⁷². Поскольку Архилох не мог претендовать на наследство, жизнь заставила его податься в наёмники.

Сам Архилох называл себя не только поэтом, но и воином (фр. 1). В его словах проявляется и сущность наёмничества как рода занятий – копьём замешан его хлеб, копьём добыто вино, которое он пьёт, опираясь на то же самое копьё (фр. 2). Наёмник дорог до той поры, куда он сражается (фр. 8). И тем не менее, даже верного копья наёмнику порой не хватает, чтобы прокормить себя (фр. 91; 92).

Архилоху была присуща достаточная прагматичность – он утверждал, что со смертью человека заканчивается и сам человек: нет смысла прославлять мертвецов, ибо благодарность мы питаем лишь к живым (фр. 36). Интересен здесь и следующий его автобиографический сюжет (пер. В.В. Вересаева):

---

⁷¹ В большинстве своём, источники не касаются этой темы, но мы всё-таки можем предположить, что какие-то личные (родственные или дружественные) связи у наёмников с полисом вполне могли присутствовать.

⁷² Север Г.М. Архилох [Электронный ресурс] // Девять лириков. Жизнь и поэзия. URL: <http://www.novemlyrici.net/index.xps?1.10> (дата обращения: 04.05.2016).

*Носит теперь горделиво саиец мой щит безупречный:
Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.
Сам я кончины зато избежал. И пускай пропадает
Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я добыть.*

Архилох не чуждается того, что был вынужден бежать перед превосходящей силой. Для него ценнее собственная жизнь, чем брошенное оружие. В данном контексте следует вспомнить знаменитый спартанский фразеологизм «со щитом или на щите». Мы видим, что Алкей не слишком следовал этой воинской традиции⁷³.

Возвращаясь к теме посмертной славы – чрезмерного почёта к мертвецам питать не стоит, однако и насмехаться над ними нельзя (фр. 33). Вообще идея умеренности в любых делах часто упоминается у Архилоха (пер. В.В. Вересаева):

*Победишь — своей победы напоказ не выставляй,
Победят — не огорчайся, запершись в дому, не плачь.
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.*

В стихах Архилоха прославляется стойкость и мужество, не принимается отчаяние и уныние (фр. 47). В особенности эти качества ценятся у командира – самое главное, чтобы он имел твёрдую уверенность в собственных деяниях и был силён духом (фр. 13).

Неким жизненным кредо у Архилоха было «добро, преданность и честность – для друзей; зло, месть и оскорбления – для врагов» (фр. 57; 110). Особо ценился им дух товарищества – друзья обязательно пьют и едят за одним столом, каждый внося в него свой вклад (фр. 55). Как солдат, Архилох не чуждался выпивки (фр. 17; 51) – отмечая, что в некоторых случаях можно подкрепляться вином, даже при несении стражи (фр. 4).

Через всю поэзию Архилоха проходит идея религиозного фатализма –

---

⁷³ Безусловно, подобную формулу максимально ввели в свою этику лишь спартанцы, но и в целом бегство с поля боя не приветствовалось.

веры в предопределённость человеческой судьбы деяниями богов (фр. 35; 48; 30; 9; 21; 42; 49; 53; 8) – (пер. В.В. Вересаева) «Настроения у смертных[...]таковы, какие в душу в этот день вселит им Зевс».

Таким образом, имея некоторые представления о мировоззрении наёмника, можно сделать странный, на первый взгляд, вывод: мировоззрение наёмника не очень-то и отличалось от традиционного полисного мировоззрения. Наёмникам присуща та же религиозность, та же товарищеская сплочённость, то же разграничение «мы и они». Этому есть своё объяснение. Дело в том, что архаический период – самый первый, начальный этап существования греческого наёмничества, и, на наш взгляд, вполне естественно, что психологически наёмничество ещё не отличается от гражданского коллектива. Даже в эпоху классики – хоть различия и начинают проявляться более явно – в основном наёмники продолжают воспроизводить те же полисные модели поведения.

Косвенное подтверждение этому можно найти и в следующем. Алкей, тоже являясь воином и поэтом, в отличие от Архилоха был вполне полноправным аристократом. Однако, в его поэзии мы встречаем схожие сюжеты. В первую очередь, это фактически идентичная история о бегстве и брошенном оружии (пер. В.И. Иванова):

*Моим поведай: сам уцелел Алкей,
Доспехи ж взяты. Ворог аттический
Кичась, повесил мой заветный
Щит в терему совоокой Девы.*

Как и у Архилоха, в поэзии Алкея мы можем встретиться сюжеты о мужестве (фр. 34; 37), дружеском общем пиршестве (фр. 22; 48; 49), о предопределённости человеческой судьбы волей богов (фр. 1; 11).

Однако, определённое отторжение традиционного полисного мировоззрения у Алкея также присутствует. Во-первых, следует отметить его довольно наплевательское отношение к традиционной воинской этике в пользу сохранения собственной жизни и денег, и, во-вторых, привязанность наёмника,

в первую очередь связана уже с его товарищами и командиром, а не с родным полисом.

2.4 Наёмники эпохи классики

Новый же этап в развитии наёмничества приходится на переломный момент древнегреческой истории – Пелопоннесскую войну⁷⁴. Во время этой войны полисы-государства фактически впервые обращаются за помощью к наёмникам. Впервые в истории античного полиса возникает необходимость усиления гражданского ополчения формированиями, никак организационно не связанными с этим самым ополчением, т.е. наёмниками. Некоторые исследователи называют этот этап своеобразным прологом к широкому распространению наёмничества в IV в. до н. э.⁷⁵

Наёмничество Пелопоннесской войны носит как бы двойственный характер: с одной стороны, оно использовалось для военно-политической борьбы двух союзных «государств»-сторонников конфликта – Афинским морским и Пелопоннесским союзами. С другой стороны, наёмники использовались и внутри самих полисов, в борьбе между различными группировками. Причём далеко не всегда два этих аспекта существовали различно друг от друга. Кто же обращался за помощью к наёмным отрядам? В первую очередь, это были основные сторонники конфликта – Афины и Спарта.

Первые упоминания наёмников у Фукидида восходят к событиям конфликта Керкиры и Коринфа из-за Эпидамна (примерно 433-432 гг. до н.э.). Интересно также то, что упоминаний «действующих» афинских наёмников этого периода не имеется, однако керкиряне и коринфяне утверждали, что у афинян очень много наёмников – едва ли не больше, чем самих граждан в ополчении: «Ведь у афинян в войске служит больше наёмников, чем своих граждан» (Thuc. I. 121) – рассуждали коринфяне на союзном собрании. Керкиряне также обращались к Афинскому союзу со следующими словами:

---

⁷⁴ Военном конфликте в Древней Греции между Афинским морским союзом (или Афинской архэ) во главе с Афинами и Пелопоннесским союзом во главе со Спартой.

⁷⁵ Маринович Л.П. Наемники в период Пелопоннесской войны. с. 70

«Вам следовало бы или запретить набор наемников в пределах вашей державы, или послать и нам помощь» (Thuc. I. 35).

Можно было бы предположить, что противники афинян заблуждаются о количестве афинских наёмных сил, но сам полководец Перикл также упоминает наёмников в афинской армии: «Когда же дело дойдет до войны, тогда ни один из наших наёмников, пожалуй, не оставит своей родины...» (Thuc. I. 143). На наш взгляд, подобную ситуацию можно объяснить так – у афинян, конечно, присутствовали наёмники, но их использование было не так широко распространено (ведь у Фукидида нет упоминаний о реально действующих отрядах этого периода), как это представляли коринфяне. Ключевым же здесь является то, в каком контексте была произнесена фраза о подобной многочисленности наёмников у афинян, а именно – на союзном собрании, посвященном обсуждению возможной войны с Афинами. Таким образом, справедливо было бы предположить, что коринфяне стремились убедить союзников в слабости афинян и для этого гиперболизировали количество наёмников, находящихся на службе у Афин.

Но перейдём непосредственно к участию наёмников в самой Пелопоннесской войне. В первые годы войны Афины вовсе не используют (во всяком случае, Фукидид не пишет об этом) наёмников, и на это есть свои причины – в начале войны Афины обладали достаточной военно-политической мощностью, и, как следствие, не нуждались в дополнительной поддержке в лице наемников⁷⁶. Вдобавок ко всему, война только начиналась – ещё не проводились крупные сухопутные (или морские) операции, которые могли бы потребовать большее число войск, чем могло представить собой гражданское ополчение. Так или иначе, хронологически первое упоминание афинских наемников «в действии» относится к 424-423 гг. до н.э., во время конфликта во Фракии. Оно связано с упоминанием афинской эскадры, состоящей из 50

---

⁷⁶ Маринович Л.П. Указ. соч.

кораблей и перевозившей, помимо гражданского войска (лучников и гоплитов), 1000 фракийских наёмников (Thuc. IV. 129). В следующем году афинский стратег Клеон перед нападением на Амфиполь (422 г. до н.э.) обратился к царю одомантов Поллу с просьбой «послать возможно больше наёмников» (Thuc. V. 6).

В отношении Сицилийской экспедиции (415-413 гг. до н.э.) уточняется, что привлекаемые наёмники были гоплитами – подобную идею высказал стратег Никий на народном собрании: «... по-моему, нам придется послать туда много гоплитов как наших, так и из числа союзников и данников и, кроме того, сколько сможем привлечь из Пелопоннеса убеждением или жалованьем» (Thuc. VI. 22). Число этих наёмников Фукидидом не указывается, однако впоследствии он пишет о том, что в дополнение к основному гоплитскому ополчению (всего около 5100 человек) было завербовано еще 250 наёмников (Thuc. VI. 43).

В ходе битвы у Сиракуз на стороне Афин выступили мантинейские, акарнанские и этолийские наемники (Thuc. VII. 57), точное число которых, правда, не указывается.

Определённое место наёмные формирования занимали в афинском флоте, который являлся их главной ударной силой. Корабельная команда состояла из четырёх основных групп: граждан Афин, афинских метеков, рабов и наёмников. Проблема здесь заключается в том, каково было соотношение этих четырёх групп и какое место среди них занимали наёмники. По нашему мнению, наиболее справедливым кажется такой вывод – среди гребцов подавляюще число составляли афинские граждане и метеки, а морская пехота и квалифицированные моряки вообще состояли в большинстве своём из наёмников-иностранцев (Thuc. I. 121)⁷⁷. Рабы же занимали меньшинство даже

---

⁷⁷ Стоит указать, что в числе граждан, привлекавшихся к службе в морском флоте, преобладали представители нижней цензовой группы – фетов – которые, зачастую не обладали соответствующей квалификацией. То же самое можно сказать и о метеках. Следовательно, именно в квалифицированных контингентах Афины нуждались в первую очередь. Однако, по свидетельству Фукидида, наиболее квалифицированные моряки – кибернеты (кормчие, управляющие кораблями) набирались всё-таки из числа граждан, а не наёмников (Thuc. I. 143).

среди гребцов⁷⁸.

Обратимся теперь к противникам Афин, в частности – к Спарте. Спарта так же, как и Афины, впервые обращается за помощью к наёмникам во время фракийской кампании (напоминаем, что это было в 424 г. до н.э.). Стремясь прекратить афинские набеги на Пелопоннес и Лаконскую область, лакедемоняне отправляют войско из 700 илотов-гоплитов и «завербованных в Пелопоннесе наёмников» во главе с Брасидом к афинским союзникам (Thuc. IV. 80)⁷⁹. Готовясь к сражению у Амфиполя, Брасид «призвал 1500 фракийских наемников и всех эдонов, как легковооруженных, так и всадников» (Thuc. V. 6). Стоит отметить, что своим содержанием эти наёмники были обязаны не полису-нанимателю (Спарте), а наполовину македонскому царю Пердикке, наполовину – Халкидской лиге, поскольку Спарта была не в состоянии позволить себе содержание крупной наёмной армии⁸⁰.

Спарта, хоть и являясь преимущественно сухопутной военной державой, тоже была вынуждена создать морской флот. Его главное отличие от афинского – он формировался в основном только из наёмников-моряков, набиравшихся на персидские деньги. Показательными иллюстрациями этого суждения служат эпизоды с переговорами спартанских правителей – Калликратида (Xen. I. 6. 6-7) и Лисандра (Xen. II. 1. 11-12) – с персидским царем Киrom, касаясь просьбы о выплате денег спартанскому экипажу.

Таким образом, Спарта являет собой пример совершенно другого отношения к наёмным войскам. Наёмники набираются либо для отдельных – маргинальных – операций (см. эпизод с Брасидом), либо используются только во флоте.

Среди союзников Спарты к помощи наёмников прибегал Коринф. Так, в

---

⁷⁸ Подробнее: см. Маринович, Л.П. Указ. соч. С. 74-75. Также: Amit M. The Sailors of the Athenian Fleet // Athenaeum 1962. № 40, P. 157-178.

⁷⁹ Необходимо упомянуть, что эта операция стоит несколько особняком. Дело в том, что Брасид не был царем (более того, в источниках встречается информация о том, что он был мофаком – незаконнорожденным сыном спартиата) и, хотя его проект нападения на северную Эгеиду был поддержан в Спарте, спартанских гоппитов для ведения боевых действий не получил.

⁸⁰ Парк Г. У. Указ. соч. с. 6

433 г. до н.э., опасаясь потерять Потидею, коринфяне «послали на помощь отряд своих собственных добровольцев и наемников из других пелопоннесских городов, всего 1600 гоплитов и 400 легковооруженных воинов» (Thuc. I. 60). В дальнейшем, Коринфом было отправлено «500 гоплитов (из самого Коринфа и из числа наемников, нанятых в Аркадии)» в Сицилию, на помощь сиракузянам и Спарте. (Thuc. VII. 19).

Также известно ещё о наёмниках в коринфском флоте. В 434 г. до н.э., «раздраженные неудачей» (поражением в битве при Левкимне), коринфяне снаряжают флот и нанимают моряков «из Пелопоннеса и остальной Эллады» (Thuc. I. 31).

Что касается, остальных участников войны, то здесь в первую очередь можно упомянуть Митилену. Но уже с оговоркой: использование наёмников митиленянами подводит нас к междоусобной, политической борьбе внутри самих полисов и союзов. Таким образом, наёмники принимали участие в освободительных движениях Митилены против Афин на острове Лесбос (события 428-427 гг. до н.э.). Фукидид сообщает (Thuc. III. 18), что в 428 г. до н.э. митиленяне выступают против Мефимны (единственного оставшегося на острове полиса, верного Афинам) вместе с наёмниками. Атака на город не удалась и митиленяне отступили. Выступившие вскоре после этого походом на Антиссу (политически тяготеющую к Митилене) мефимнейцы были разбиты ответной вылазкой жителей Антиссы и наёмников. Вполне возможно, что речь идет о наёмниках Митилены, которые были переданы Антиссе⁸¹.

В 427 г. до н.э., во время «междоусобных распрей» в Нотии, одна из партий получает от Писсуфна помощь в виде «аркадских и варварских наемников» (Thuc. III. 34).

Показательно то, что за помощью к наёмникам обращались не только полноправные граждане полиса, но и изгнанники – к примеру, в 424 г. до н.э. изгнанные из Керкиры и Орхомена демократы нанимали солдат в Пелопоннесе (Thuc. IV. 46; 76). Также «несколько весьма влиятельных изгнанников из

---

⁸¹ Маринович, Л.П. Указ. соч. с. 73

Мефимны» (по-видимому, олигархов) в 411 г. до н.э. наняли около 250 человек на материке (Thuc. VIII. 100).

Как и в VII в. до н.э., в ходе Пелопоннесской войны к помощи наёмников снова прибегают тираны – так, в 431 г. до н.э. акарнанец Еварх, с помощью коринфских и наёмных (точное число которых не указывается) войск возвращает власть в Астаке (Thuc. II. 33). В 403 г. до н.э. «Тридцать Тиранов» обращаются за помощью к спартанскому военачальнику Лисандру, чтобы тот прислал помощь в Афины. Лисандр, «присоединив к себе по пути много пелопоннесских гоплитов» отправился в путь, а позднее «вместе с наемниками занимает левый фланг» около Пирея (Xen. II. 4. 29-30).

Подытоживая всё вышесказанное, необходимо систематизировать имеющиеся данные о наёмниках. В частности, сначала следует определить, откуда именно набирались наёмные войска. Говоря об этом, отметим два факта: во-первых, наёмники набирались из вполне определённых областей Греции; во-вторых, можно проследить связь между видами войск и местами их происхождения. При этом одни и те же регионы служили источниками наёмных войск для обеих сторон конфликта.

Таким образом, мы имеем следующее:

- гоплиты – Аркадия (Пелопоннес)⁸²;
- пельтасты – Фракия⁸³;
- лучники – Крит⁸⁴.

Кроме Фракии, источником наёмничества являлись и другие варварские государства – в частности, Фукидид называет Иберию (Thuc. VI. 90) и Иллирию (Thuc. IV. 124), но в этих случаях специальность или численность наёмников им не указывается.

Следующим вопросом, на котором мы остановимся, станет механизм вербовки наёмников. К сожалению, источники не дают нам прямой информации по этому вопросу. Поэтому плодотворным кажется обращение к

---

⁸² Thuc. III. 60; Thuc. VII. 19; Thuc. VII. 57-58.

⁸³ Thuc. IV. 129; Thuc. V, 6; Xen. I. 3. 10.

⁸⁴ Thuc. VI. 25; Thuc. VI. 43; Thuc. VII. 57.

«Анабасису» Ксенофонта и сравнение его описания с имеющимися намёками в источниках по Пелопоннесской войне. Конечно, «Анабасис» повествует о послевоенных событиях, но, поскольку между ними прошло всего 3 года, можно предположить, что способы набора не могли сильно измениться. Кир Младший, собирая наёмников для своего похода, поступал следующим образом: во-первых, он приказал начальникам гарнизонов всех подвластных ему городов набирать лучших солдат (Xen. Anab. I. 1. 6), и во-вторых, приглашал с собой в поход греков, связанных с ним узами гостеприимства, которые, в свою очередь приводили наёмников (Xen. Anab. I. 1. 9-11). Именно второй способ, скорее всего, мог применяться и в Пелопоннесской войне – поскольку рынок наёмников ещё не был сформирован, то набирать наёмников из других полисов было возможно только через личные контакты, что и позволяли делать отношения гостеприимства. Есть, впрочем, один намёк на существование рынка для вербовки – это характеристика Фукидидом аркадцев, как имеющих привычку воевать в качестве наёмников (Thuc. VII. 57). Кроме того, в источниках довольно часто упоминаются аркадские наёмные гоплиты. Впрочем, на основании такого неопределённого намёка уверенно утверждать о существовании рынка не приходится.

Пожалуй, примером самого масштабного использования греческих наёмников в период поздней классики является т.н. «поход десяти тысяч» Кира, описанный в «Анабасисе» Ксенофонта. Целью похода было свержение персидского царя Артаксеркса II. Однако, поражение при Кунаксе (401 г. до н.э.) и смерть Кира значительно изменили ситуацию – греческие наёмники, оставшиеся без нанимателя и стратегов, были вынуждены отступить из Персии. Ксенофонт принимал самое прямое участие в этих событиях, что позволило ему отразить в «Анабасисе» те детали быта, которые обычно не проявляются в исторических сочинениях, а посему свидетельства, приводимые Ксенофонтом, позволяют рассмотреть поведение наёмника в походных условиях (т.е. вне полиса), где его характерные мировоззренческие черты могут проявиться наиболее ярко. Подробнее об этом будет сказано ниже. Следует, однако,

прежде завершить рассмотрение Пелопоннесской войны.

2.5 Социально-психологические характеристики «классических» наёмников

Выше нами уже отмечалось, что наёмничество в Греции исчезло вместе с падением тираний (хотя греческие наёмники продолжали существовать на Востоке⁸⁵), однако вернулось с началом Пелопоннесской войны. Изменилось ли как-то мировоззрение наёмников в эпоху классики?

Пелопоннесскую войну часто называют начальным этапом кризиса полиса. Остановимся здесь, чтобы разобраться с тем, чем по своей сути являлся этот кризис. Для этого вспомним, что в целом представлял собой греческий полис. В качестве основополагающих принципов полисной организации обычно называют⁸⁶ два следующих положения:

1. полис – это замкнутая гражданская община, принадлежность к которой даёт ряд некоторых преимуществ (право владения землёй и право участвовать в обсуждении и решении вопросов внутренней и внешней политики);
2. армия полиса представляет собой гражданское ополчение, участие в котором являлось обязанностью гражданина.

Собственно кризисом называют исчезновение или ослабление этих самых принципов⁸⁷. В какой же мере наёмники повлияли на эти процессы?

Итак, Пелопоннесскую войну неслучайно называют началом кризиса полиса, ведь именно в её ходе появляются первые его признаки: во-первых, среди наёмных солдат возникает новый тип мировоззрения, в корне отличающийся от традиционного полисного; и, во-вторых, появляется новый тип полководца, в первую очередь руководствующегося интересами своих воинов, а не родного полиса. Собственно, эволюцию «от традиционного – к новому полководцу» можно проследить на примере трёх спартанских стратегов

---

⁸⁵ Парк Г. У. Указ.соч. С. 7-13.

⁸⁶ Многие исследователи в той или иной формулировке дают сходные черты. Конкретно здесь за основу взята формулировка Л. М. Глускиной, поскольку на наш взгляд она наиболее лаконично и обобщённо выражает высказанные другими мнения.

⁸⁷ Глускина Л. М. Указ.соч. С. 8-12.

– Архидама, Лисандра и Брасида, которые представляли собой совершенно различные типы как личности, так и военачальников (следует сказать, что и по своему социальному происхождению они также существенно отличались).

Говоря в первый раз об Архидаме, Фукидид сразу же отмечает его славу в проницательности и благоразумии (Thuc. I. 79). Выступая перед пелопоннесцами по поводу конфликта между Коринфом и Афинами из-за Потидеи, Архидам предлагает не бросаться в войну бездумно, а сперва отправить посольство афинянам, но одновременно и готовиться к войне – на случай, если последние откажутся от мирного урегулирования вопроса (Thuc. I. 79-85). Осторожность Архидама подтверждается и тем, что его нерешительность порой вызывала недовольство среди солдат (Thuc. II. 18-20). Вторгаясь в Платею, Архидам предложил ее жителям уйти, временно переселившись куда-нибудь до окончания войны. Лишь после того, как платейцы постановили не нарушать условий союза с Афинами, Архидам повёл войска в наступление (Thuc. II. 72-75). Вступив в Аттику, пелопоннесские войска вместе с союзниками сразу приступили к разорению полей (Thuc. III. 1). Это практически всё, что Фукидид пишет об Архидаме, но даже по имеющимся у нас немногочисленным свидетельствам можно судить о нём как дипломатичном и осторожном полководце, нисколько не изменяющем интересам своей родины. Здесь, к слову, следует упомянуть и то, что Архидам был не просто командующим объединённой армии Пелопоннеса, но и царём Спарты.

Лисандр по своему происхождению был из рода Гераклидов, но не принадлежавшего к царскому роду. Был воспитан в бедности в рамках типичного лаконского воспитания – в духе честолюбия и жажды первенства. Плутарх особенно отмечает чуждость Лисандру жажды наживы, даже несмотря на то, что именно Лисандр принёс её в Спарту вместе с афинскими богатствами (Plut. Lys. 2). На войне Лисандр шёл к цели с помощью обмана и хитрости – переманивал моряков противника на свою сторону более высоким жалованием (Plut. Lys. 3); склонял жителей вражеских и союзных городов к переворотам

против демократии (Plut. Lys. 5; Xen. Hellen. III. 5. 6-13), после чего назначал там правителей из числа своих приближённых; наконец, активно изгонял и казнил недовольных (Plut. Lys. 13-14; Xen. Hellen. II. 2. 5). Возникали у Лисандра и конфликты с родной Спартой – например, по поводу изгнания жителей Сеста на Самосе (Plut. Lys. 14). Тем не менее, несмотря на весьма высокую, не только военную, но и политическую, самостоятельность Лисандра и некоторые расхождения во взглядах с родным полисом, его мировоззренческая связь со Спартой была весьма и весьма сильна (Plut. Lys. 30). Плутарх постоянно отмечает его непринятие богатств и жажды наживы, а также активное насаждение спартанского правления на все прочие полисы.

Брасида Фукидид характеризует как «человека, идущего на всё» (Thuc. IV. 81). В самом деле – в самый первый раз он отличился в Мессении, прорвавшись через афинское войско с сотней человек и вступив в Мефону, не позволив тем самым афинянам захватить её (Thuc. II. 25). В ходе спартанского вторжения на Пилос, Брасид активно мотивировал солдат на бесстрашную атаку, даже если бы им для этого пришлось пожертвовать своими кораблями (Thuc. IV. 11). Однако в ходе Фракийской кампании Брасид вёл себя несколько иначе. Во-первых, необходимо вспомнить тот факт, что Брасид не получил полноправных спартиатов в своё войско – его армия ограничивалась лишь илотами и наёмниками (Thuc. IV. 6). Потому Брасиду приходилось действовать самостоятельно – например, в первую очередь, занимаясь грабежом в целях снабдить войско провиантом, вместо того, чтобы сразу атаковать крепость неприятеля – даже когда успешному штурму благоприятствовали все условия (Thuc. IV. 104). Брасид обращался в Спарту за подкреплением, но получал отказ (Thuc. IV. 108). Действуя во Фракии, Брасид проявил себя как «человек честный во всех отношениях» (Thuc. IV. 81), а своим ораторским искусством (Thuc. IV. 84) и дипломатическими методами (Thuc. IV. 108; 114) он активно склонял на сторону Спарты афинских союзников, стремясь сберечь жизни своих солдат (Thuc. IV. 81; 88).

Говоря о личностных характеристиках полководцев Пелопоннесской

войны, невозможно не учитывать её особенностей – продолжительности и территориального масштаба. Архидам принимал участие в самых ранних этапах⁸⁸, когда война ещё не получила широкого охвата, и действовал согласно традиционной спартанской тактике – разоряя территорию противника. В случае с Лисандром остро встаёт вопрос об отсутствии у спартанцев умения (и, соответственно, традиции) воевать на море – как результат, Лисандр часто действовал по собственному усмотрению и по воле обстоятельств. Поход Брасида во Фракию тоже был неординарным явлением – у Спарты не было ни возможности, ни необходимости вести активные действия в Северной Эгеиде, и поэтому Брасид не получил полноправных спартиатов в своё войско. Кроме того, следует отметить и тот факт, что в Пелопоннесской войне у Спарты попросту не хватало царей (которые, в случае войны, становились полководцами), чтобы покрыть весь театр боевых действий – следовательно, приходилось прибегать к самостоятельным военачальникам, которые действовали соответственно реалиям войны, а не традиции. Таким образом, всё большее порывание полководцев с полисной традицией диктовалось самой войной и новыми требованиями к военачальнику.

Суммируя вышесказанное, мы можем утверждать, что можно выделить некоторую градацию от самого «кризисного» полководца к «традиционным» в характеристиках Брасида, Лисандра и Архидама. Брасид, не получивший полноправных спартиатов в подчинение, был оторван от родного полиса и действовал по обстоятельствам – часто исходя из интересов своих солдат, а не полиса. Лисандр состоялся не только как флотоводец, но и как тиранический правитель, фактически установивший собственную гегемонию над Элладой, и часто действовавший в силу личных амбиций. Тем не менее, идеологически он оставался ярким приверженцем спартанских порядков и идеологии. Архидаму, с одной стороны, была присуща дипломатичность Брасида. Но если Брасид славился ещё и своим авантюризмом, то Архидам часто сталкивался с недовольством своих солдат в виду своей нерешительности. Являясь царём

---

⁸⁸Архидам умер в 427 г. и уже в 426 г. союзниками командует его сын, Агис (Thuc. III. 89).

Спарты и действуя исключительно в её интересах, Архидам был целиком и полностью связан с родным полисом.

Таким образом, уже в Пелопоннесскую войну на примере Брасида мы ярко видим первое появление нового типа полководца, руководящегося в первую очередь интересами своих воинов. Безусловно, в конечном счете, его операция была направлена на процветание Спарты. Однако, в рамках конкретных условий, он действовал по собственному усмотрению, что не всегда было согласовано с позицией его родного полиса. Дальнейшее распространение полководцев подобного типа⁸⁹ – в виду широкого распространения наёмничества – привело к постепенному отложению армии от гражданского коллектива (т.е. фактически заменой гражданского ополчения наёмными формированиями)⁹⁰, что и явило собой одно из проявлений кризиса классической полисной системы.

Что же касается простых солдат, то размежевание мировоззрения наёмника и гражданина также можно проследить уже в Пелопоннесской войне. Например, мантинейцы и другие аркадцы сражались на стороне Афин против тех же аркадцев, но нанятых коринфянами. Так же и критяне, некогда основавшие колонию Гелу, воевали против своих же колонистов из-за жалования (Thuc. VII. 57). Собственно, в этом и состояло отличие наёмников от граждан, которые воевали исключительно за интересы своего собственного полиса. Мы видим, что наёмники начинают терять связь с полисом, а их мировоззрение строится уже на иных ценностях.

Обратимся же теперь к сведениям «Анабасиса». Напомним, что это произведение даёт нам весьма наглядную картину быта наёмников в походе, поскольку сам его автор был участником повествуемых событий и в некоторых моментах даже принимал на себя командование. Свидетельства, приводимые Ксенофонтom, позволяют рассмотреть поведение наёмника в походных

---

⁸⁹ Например, в период Коринфской войны (395-387 гг.) такими командирами были Хабрий, Ификрат и Тимофей, в Союзнической войне (357-355 гг.) – Харет и Харидем. Подробнее см.: Маринович Л. П. Указ.соч. С. 43-76.

⁹⁰Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. с. 260.

условиях (т.е. вне полиса), где его характерные мировоззренческие черты могут проявиться наиболее ярко. Первая, и основная отличительная черта наёмника – он добровольно нанимается на военную службу за определённую плату. Желание наёмника принять участие в той или иной военной кампании, как правило, зависит от двух факторов: рискованности предприятия и сулимой платы. Подобный элемент психологии наёмника нашёл своё отражение в эпизоде, когда солдаты «отказывались идти дальше, подозревая, что идут на царя, а нанимались они, – таковы были их слова, – не с этой целью» (изначально Кир собирал войско под предлогом войны с сатрапом Лидии – Тиссаферном). Причём когда один из стратегов стал принуждать их идти вперёд, в него полетели камни (Xen. Anab. I. 3. 1). На солдатском собрании была высказана такая идея – если настоящее предприятие Кира окажется сходными с теми, для которых он и раньше употреблял наёмников, то следует всё же идти с ним. Однако, если оно «значительнее прежних, труднее и опаснее», то разумно будет просить прибавку к жалованию (Xen. Anab. I. 3. 18-19). Только после длительных уговоров и увеличения жалования солдаты согласились продолжать поход (Xen. Anab. I. 3. 20-21; I. 4. 11-13).

Показателен также другой, более поздний эпизод, когда фракийский царь Севф предложил уже «бесхозным» наёмникам поступить к нему на службу, пообещав им жалование, но в результате не смог выплатить его полностью. Когда же наёмникам заплатили, оказалось, что за месяц службы они получили жалование только за 20 дней (Xen. Anab. VII. 5. 4); Ксенофонт, поручившийся за Севфа перед солдатами, пришёл в негодование (Xen. Anab. VII. 5. 5); солдаты, в свою очередь, разозлились на Ксенофонта, а Севф был раздражён постоянным требованием жалования для солдат (Xen. Anab. VII. 5. 7).

Для наёмников выплата жалования – главная мотивация к действию, без жалования они могут отказаться воевать вообще (Xen. Anab. VI. 4. 8). Ксенофонт высказывает эту мысль, говоря Гераклиду (ответственному за продажу добычи, с выручки которой выплачивалось жалование), что тот должен был «занять деньги или даже продать свою одежду, раз этого нельзя

было достигнуто другим способом» (Xen. Anab. VII. 5. 5) ради полной выплаты жалования. Таким образом, можно сказать, что для наёмника делом первостепенной важности было знание рисков предприятия, соответственный им размер жалования, а также своевременность выплат.

Часть получаемых наёмником денег расходовалась им же самим в ходе самого похода – на закупку продовольствия. Во время похода перед войском постоянно вставала насущная проблема – где раздобыть пищу и кров. Избегая ненужных конфликтов, эллины по большей мере старались покупать продовольствие на рынках, где это было возможно (Xen. Anab. III. 2. 21; V. 1. 6). Но такая возможность представлялась далеко не всегда. С одной стороны, у многих наёмников отсутствовали необходимые средства (Xen. Anab. V. 1. 6; 6. 19), с другой – местное население могло не предоставлять рынки. И тогда войско было вынуждено идти на грабёж.

Сразу следует сделать оговорку – грабёж, и, как следствие, военные стычки с местным населением происходили во враждебных грекам областях: на непосредственно персидских территориях (Xen. Anab. III. 5. 1), землях кардухов (Xen. Anab. IV. 1. 10), халибов (Xen. Anab. IV. 7. 15), халдеев (Xen. Anab. IV. 3. 3-4), колхов (Xen. Anab. IV. 8. 9), а также фракийцев (Xen. Anab. VII. 3. 2-7). Сами же греки, если не было острой нужды в припасах, стремились по возможности заключать мир – например, с макронами (Xen. Anab. IV. 8. 3-7) и моссинойками (Xen. Anab. V. 4. 2-9). Ксенофонт описывал отношения войска с местными жителями примерно так: если войско располагает рынком, то оно покупает необходимое ему продовольствие. В случае же когда местные – неважно, варвары или греки⁹¹ – отказывались торговать с наёмниками, войско захватывало припасы силой (Xen. Anab. V. 5. 16-18).

Награбленное распределялось между солдатами по следующему принципу: когда войско останавливалось для отдыха, желающие могли отправиться за добычей и в таком случае забрать её себе, но когда всё войско выходило в поход, любая добыча – даже захваченная отдельными воинами –

---

⁹¹Наёмники грабили не только варваров, и эллинский город Котиора – тому пример (Xen. Anab.V. 5. 6).

считалась общей (Xen. Anab. VI. 6. 2).

Во время наступательного этапа похода, в войске периодически возникали конфликты между греками-наёмниками разных стратегов (Xen. Anab. I. 5. 11-17), а также между греками и варварами (Xen. Anab. II. 4. 9-11; 5. 34-35). После ухода варварской части войска, Ксенофонт не отмечает каких-то значимых конфликтных ситуаций. Все стратегические решения принимались самими солдатами, на сходках, в ходе голосования – к примеру, вопрос о порядке командования армией, когда вместо нескольких предводителей предлагался один (Xen. Anab. VI.1.17-18). Конечно, разногласия всё же возникали, но не так остро и решались диалогом⁹² – например, когда Ксенофонтом был поднят вопрос о том, чтобы остаться в Понте и основать свой полис, не возвращаясь в Элладу, то лишь немногие согласились с ним, большинство же желало продолжать путь (Xen. Anab. V. 6. 15; 19). Упомянутое выше предложение о единоличном командовании в результате провалилось, и войско распалось (Xen. Anab. VI. 2. 12). Правда, в конце концов, оно воссоединилось снова (что было радостно воспринято солдатами) и голосованием постановило продолжать путешествие (Xen. Anab. VI. 3. 24). Стоит отметить ещё один важный момент – за безответственное выполнение обязанностей стратега последний штрафовался определённой денежной суммой (Xen. Anab. V. 8. 1).

Среди наёмников явно порицались трусость и всяческие проявления своеволия. Поощрялась же храбрость и коллективизм. Подобные идеи прослеживаются через весь труд Ксенофонта, наглядный тому пример – упомянутый выше случай с воином, отказавшимся нести своего раненного товарища. Сам Ксенофонт приводит в списке добродетелей такие качества, как: скромность и уважение к старшим, (Xen. Anab. I. 9. 2-5), храбрость (Xen. Anab. I. 9. 14-15), забота о друзьях (Xen. Anab. I. 9. 20-22), искусность в военном деле (Xen. Anab. II. 6. 1), доблесть и справедливость (Xen. Anab. II. 6. 18), а среди

---

⁹² Важно отметить, что упомянутый ранее конфликт между наёмниками разных стратегов чуть было не привёл к военному столкновению.

дурных качеств: клятвопреступления (Xen. Anab. II. 5. 41), ложь и обман (Xen. Anab. II. 6. 21-22), трусость (Xen. Anab. II. 6. 30).

Необходимо обратить внимание также на религиозную жизнь наемников, которая составляла важную часть их повседневности. Получая прибыль, стратеги не забывали оставлять её десятую часть «для богов» (Xen. Anab. V. 3. 4-5) – на подношения⁹³. При любом удобном случае эллины не забывали и о жертвоприношениях, а иногда это даже влияло на принятие стратегически важного решения – даже когда припасы войска подходили к концу, Ксенофонт не отдавал приказа о выходе до тех пор, пока не получил благоприятные предзнаменования (Xen. Anab. VI. 4. 16-19). Эллины интересовались предзнаменованиями и при заключении союзов с местными племенами, как это произошло, например, с тибаренами (Xen. Anab. V. 5. 2-3). Наёмники скрупулёзно соблюдали обычай захоронения павших на поле боя (Xen. Anab. IV. 2. 18; V. 7. 30-31; VI. 5. 5-6). Также, по прибытии в эллинские города, солдаты устраивали гимнастические состязания и пиры (Xen. Anab. IV. 8. 25-28; V. 5. 5; VI. 1. 4).

Подводя итоги нашему анализу «Анабасиса», можно сказать, что для наёмника было важно знание рисков предприятия, в котором он принимает участие, а также соразмерность и своевременная выплата жалования. В отношениях с местным населением наёмники старались – где это было возможно – закупать припасы на рынках, и только в случае острой необходимости забирать их силой. Более-менее значимые конфликты в войске существовали лишь до момента предательства греков варварами, но впоследствии среди эллинов, за редкими исключениями, царило относительное согласие. Вероятнее всего, причиной такого миролюбия стала критическая ситуация, в которой оказалось войско.

Идеалами добродетелей для наёмника являлись храбрость, честность и дух товарищества, а клятвопреступники, лжецы и трусы всячески порицались.

---

⁹³ Сам Ксенофонт, например, на эти деньги изготовил приношение Аполлону и поместил его в храм в Дельфах (Xen. Anab. V. 3. 5).

В культурном же плане наёмники ничем не отличались от прочих греков, соблюдая все те же религиозно-культурные обряды, а также полисные модели – штрафы командирам за нерадивое выполнение обязанностей и солдатские сходки, как аналог народного собрания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование классического греческого полиса началось в период архаики – VII-VI веков до нашей эры. Современными исследователями отмечается несколько процессов, сопутствующих становлению полиса. Среди них: постоянные контакты и восприятие культуры Ближнего Востока, развитие мореплавания, а вместе с ним и морских промыслов – пиратства и торговли – затем последующее обогащение и укрепление полисов; в чуть более позднее время – усиление внутриволисной борьбы, что приводило к установлению тираний. Тирании же, в свою очередь, являлись переходным этапом к классической волисной системе управления.

Наёмничество архаической эпохи оказало своё влияние на эти процессы. Так, постепенное усиление связей Греции с Востоком, основание новых поселений и участие греков в военных действиях стало вызывать спрос на греческих наёмников. Действуя на Востоке (в Вавилонии, и особенно – в Египте), наёмники содействовали дальнейшему развитию греческого морского дела – как участвуя в морских грабежах, так и опосредованно способствуя торговле (к примеру, египетские фараоны активно торговали с Навкратисом⁹⁴, получая оттуда фракийское серебро для оплаты наёмников).

Ранние греческие тираны, приходя к власти в различных волисах (Коринфе, Афинах, Самосе), пользовались услугами наёмников для её захвата. Так к власти пришли Писистрат в Афинах, Поликрат в Самосе, Лигдамид в Наксосе. Кроме как непосредственно с целью захвата власти, тираны нанимали наёмников и в качестве личных телохранителей – это делал, например, Периандр в Коринфе. Наёмники продолжали использоваться и наследниками тиранов – примерами тому служат писистратид Гиппий, преемник Поликрата Меандр. Важным будет отметить и то, что наёмники явно использовались тиранами в качестве личных телохранителей, однако мы не можем утверждать с той же уверенностью об их использовании за границами волиса.

Поэзия наёмника-поэта Архилоха позволяет нам составить некоторый

---

⁹⁴ Греческая колония на западе дельты Нила.

социально-психологический портрет архаического наёмника. Основной род занятий наёмника, очевидно – война. Лишь военным делом наёмник добывает себе пропитание, и ценен лишь до тех пор, пока способен сражаться. Но обогатиться за этот счёт было сложно, и порой наёмнику приходилось искать сторонние способы заработка. Главными качествами, ценившимися среди наёмников (в особенности – их наличие у командиров) были уверенность, мужество и твёрдость, для наёмника также важно было не впадать в уныние или отчаяние. Особенно ценились наёмниками честность, добро и преданность – но исключительно для друзей (по отношению к врагам же не возбранялись и жестокость, язвительность и мстительность). Во время пира в кругу товарищей было принято, чтобы каждый вносил свой вклад в общий стол. Присуща наёмникам была и сильная религиозность – богам приписывались практически все события, происходящие с людьми, в том числе победа или смерть в бою – во время него от воинов требовалась лишь смелость и отвага, остальное же решат боги.

Рассматривая в сравнении мировоззрение наёмников и традиционное полисное мировоззрение можно сказать, что им были присущи практически одни и те же характеристики. Объяснить это можно тем, что наёмничество как явление только зарождалось и ещё не успело сильно выйти психологически за пределы полиса. Тем не менее, уже обнаруживаются и некоторые различия – например, определённое неуважение традиционной воинской этики (см. фрагмент у Архилоха о брошенном оружии) ради сохранения собственной жизни, а также привязанность наёмника в первую очередь к своим товарищам и командиру, нежели к родному полису.

Таким образом, греческое наёмничество повлияло на становление классической полисной системы. Можно сказать, что это влияние носило вспомогательный характер – подобное значение наёмничества видно из того, что:

- наёмники сопутствовали тирании, выступая в некотором роде её «помощниками»;

- способствовали контактам с Востоком, которые, однако, были начаты ещё до них;
- незначительно, хотя всё же отличались от граждан по своему мировоззрению.

Важным будет отметить и то, что это влияние было нецеленаправленным – наёмниками, очевидно, в первую очередь двигала жажда наживы, а не развитие родного полиса.

Рассматривая вопрос мировоззрения наёмников в позднеклассическую эпоху – ближе к кризису полиса – можно сделать весьма неоднозначные выводы. Наёмники были оторваны от своего «гражданства» – земли и полиса, основным их занятием было военное дело, а главным стимулом к действию – деньги. Примечателен и ставший уже распространённым в эпоху кризиса новый тип командира наёмников, который был связан только со своими солдатами, а не родным полисом. Наёмники-солдаты также были связаны не с полисом (за который сражаются граждане-солдаты), а со своим войском и командиром. Всё это создаёт большую разницу в психологии наёмника и гражданина, поскольку гражданин был полностью привязан к родному полису, основным родом его деятельности было сельское хозяйство, а деньги не являлись самоценностью.

Кроме того, наёмники своим фактом существования могли оказывать негативное влияние на традиционные полисные ценности. Распространение наёмничества вело к увеличению числа торговцев и ремесленников, которые были так или иначе связаны с войсками (сопровождая войско и снабжая его необходимыми товарами, а также покупая продаваемую солдатами добычу). Наёмники оказывали влияние на развитие товарно-денежных отношений (поскольку для их найма и содержания требовалось большое количество денег), а также способствовали упадку сельского хозяйства (являясь, по меткому замечанию Г. Парка, «псами войны» и разоряя

сельскую округу)⁹⁵. Таким образом, армия и полис, представляющие собой единое целое в докризисную эпоху, в период кризиса являются совершенно противоположными явлениями.

Однако, одновременно наёмники сохраняют и присущие гражданам полиса психологические черты: коллективизма и агона, кроме того, у них сохраняется прежняя культурная идентичность, главным образом – религиозность. В некоторых случаях наёмники проецировали и черты чисто полисной политической организации – штрафования стратегов по аналогии с полисными магистратами (как это делали наёмники Кира), а также привычкой к народному собранию, выражавшейся в постоянных солдатских сходках и принятиях коллективных решений по наиболее важным стратегическим вопросам.

Получается, что, с одной стороны, наёмники действительно стали одним из факторов, способствовавших ослаблению основных черт классической полисной системы, но, с другой стороны, им были присущи те же культурные и некоторые мировоззренческие черты, характерные для простых граждан. Так что однозначно говорить о влиянии древнегреческих наёмников на кризис полиса не удаётся.

Тем не менее, можно с достаточной уверенностью утверждать, что наёмники так или иначе «сопровождали» Грецию на наиболее важных этапах её истории – зарождении и падении классической полисной системы, оказав нецеленаправленное, но всё же определённое влияние на эти процессы.

---

⁹⁵ Подробнее см.: Маринович Л.П. Указ. соч. С. 247-250.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Алкей. Мелика / Симпосий Συμπόσιον [Электронный ресурс]. URL: <http://simposium.ru/ru/node/9168> (дата обращения: 04.04.2017).
2. Аристотель. Афинская политика. Пер. и примеч. С. И. Радцига. М.: Мысль, 1997.
3. Аристотель. Политика / Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4 М.: Мысль, 1983.
4. Архилох. Лирика / Симпосий Συμπόσιον [Электронный ресурс]. URL: <http://simposium.ru/ru/node/9115> (дата обращения: 01.04.2017).
5. Афиней. Пир мудрецов. Пер. Н. Т. Голинкевича. М.: Наука, 2004.
6. Геродот. История / Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972.
7. Гесиод. Труды и дни / Гесиод. Полное собрание текстов: поэмы, фрагменты. М.: Лабиринт, 2001.
8. Гомер. Илиада. Пер. В. В. Версаева. М.-Л.: ГИХЛ, 1949.
9. Демосфен. Против Тимофея / [Электронный ресурс] Симпосий Συμπόσιον. URL: <http://simposium.ru/ru/node/782> (дата обращения: 12.04.2017).
10. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека / Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Греческая мифология. Пер., статья и примеч. О. П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2000.
11. Еврипид. Просительницы / Еврипид. Трагедии. В двух томах. Т. 2. М.: Искусство, 1980.
12. Евсевий Памфил. Церковная история. М.: Издание Спасско-Преображенского Валаамского монастыря, 1993.
13. Исократ. Архидам / [Электронный ресурс] Симпосий Συμπόσιον. URL: <http://simposium.ru/node/10193> (дата обращения 02.04.2017).

14. Коринна. Состязание Геликона с Кифероном / Античная лирика. М.: Художественная литература, 1968.
15. Ксенофонт. Анабасис. Пер., статья и примеч. М.И. Максимовой. М.: Издательство академии наук СССР, 1951.
16. Ксенофонт. Греческая история. Пер. и примеч. С.Я. Лурье. СПб.: Алетейя, 2000.
17. Ксенофонт. Домострой / Ксенофонт. Сократические сочинения. Пер., статья и примеч. С.И. Соболевского. СПб.: АО Комплект, 1993.
18. Николай Дамасский. История. Пер. и статья Е. Б. Веселаго // ВДИ 1960. № 3-4.
19. Платон. Государство / Платон. Собрание сочинений в 4 Т. Т. 3. Пер. А. Н. Егунова. М.: Мысль, 1994.
20. Плутарх. Лисандр / Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2-х тт. Т. 1. М.: Наука, 1994.
21. Полиэн. Стратегемы. Пер. под общ. ред. А. К. Нефёдкина. СПб.: Евразия, 2002.
22. Псевдо-Аристотель. Экономика. Пер. Г. А. Тароняна // ВДИ 1969, № 3.
23. Софокл. Царь Эдип / Софокл. Драмы. Пер. Ф. Ф. Зелинского. М.: Наука, 1990.
24. Страбон. География. Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1964.
25. Феокрит. Идиллии / Хрестоматия по античной литературе. В 2 томах. Т. 1. Пер. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Просвещение, 1965.
26. Фукидид. История. Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1981.
27. Эсхил. Персы / Эсхил. Трагедии. Пер. и примеч. В. И. Иванова. М.: Наука, 1989.

Литература

1. Александров М. А. Наемники на службе у тиранов в архаическую эпоху (VIII-VI вв. до н.э.) // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1995. С. 28-41.
2. Андреев Ю. В. Гомеровский полис // Раннегреческий полис (гомеровский период). Л.: Издательство ленинградского университета, 1976. С. 32-46.
3. Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии: несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб.: Алетейя, 1998. 400 с.
4. Античный полис. Курс лекций // Отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 240 с.
5. Баумгартен Ф., Поланд Ф., Вагнер Р. Эллинская культура / пер. М.: АСТ, 2000. 512 с.
6. Глушкина Л. М. Проблемы кризиса полиса // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т.2: Кризис полиса. М.: Наука, 1983. С. 5-43.
7. Дюкарев В. А., Семичева Е.А. Ценностный статус богатства в представлениях древних греков классического периода по данным литературной традиции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология 2012. № 7 (126). С. 16-23.
8. Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 320 с.
9. Кембриджская история древнего мира. Т. 3. Ч. 3: Расширение греческого мира. VIII—VI века до н. э. / пер. А.В. Зайкова. М.: Ладомир, 2007. 653 с.
10. Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т.1: Становление и развитие полиса. М.: Наука, 1983. С. 9-37
11. Кошеленко Г. А. Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ 1980. №1. С. 3-27.

12. Кузищин В. И. История Древней Греции. М.: Высшая школа, 1996. 398 с.
13. Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М.: Наука, 1975. 279 с.
14. Маринович, Л. П. Греческое наемничество // Вестник древней истории. 1968. №4. С. 70-90.
15. Мишулин, А. В. К изучению роли войны и военного производства // Вестник древней истории. 1940. №1. С. 219-230.
16. Молодец Д. С. Греческие наемники в эпоху поздней классики по «Анабасису» Ксенофонта в свете проблемы кризиса полиса // Материалы 54-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2016: История / Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2016. С. 11-12.
17. Молодец Д. С. К вопросу о роли наемников в Пелопоннесской войне // Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции молодых антиковедов и медиевистов «ScholiaStudiorum: пространство исторического нарратива» Екатеринбург, 25-26 марта 2016 г. / Екатеринбург: Издательство УрФУ, 2016. С. 20-21.
18. Молодец Д. С. Отражение мировоззрения древнегреческих наёмников в архаической лирике // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции студентов, аспирантов и школьников «История и политика в искусстве» Красноярск, 26 апреля 2017 г. / [Электронное издание] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29917631> (дата обращения: 07.09.2017). С. 24-26.
19. Молодец Д. С. Социально-психологические особенности наемников в классической Греции по «Анабасису» Ксенофонта // Материалы I Всероссийской конференции аспирантов, магистрантов, студентов «Социально-политические процессы в истории мировых цивилизаций» Красноярск, 18 ноября 2015 г. / [Электронное издание] URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26304905> (дата обращения: 21.01.2017). С. 35-42.

20. Молодец Д. С. Спартанские полководцы Пелопоннесской войны и кризис полиса // Материалы IV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Древность и средневековье: вопросы истории и историографии» Омск, 27-28 октября 2016 г. / Омск: Издательство ОмГУ, 2016. С. 61-66.
21. Молодец Д. С. Спартанские стратеги Пелопоннесской войны и кризис полиса // Материалы II Всероссийской конференции кафедры всеобщей истории «Социально-политические процессы в истории мировых цивилизаций» Красноярск, 18 ноября 2016 г. / [Электронное издание] URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=28892415> (дата обращения: 14.01.2017). С. 29-31.
22. Нильссон М. Греческая народная религия / пер. С. Клементьевой СПб.: Алетейя, 1998. 218 с.
23. Парк Г. У. Греческие наемники. «Псы войны» древней Эллады / пер. Л. А. Игоревского. М.: Центрполитграф, 2013. 288 с.
24. Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб.: Гуманитарная Академия, 2001. 510 с.
25. Режабек Е. Я., Богданова М. А. Агон как имманентная характеристика культуры Древней Греции. // Вестник ДГТУ 2011. № 6(11). С. 911-916.
26. Север Г. М. Архилох [Электронный ресурс] // Девять лириков. Жизнь и поэзия. URL: <http://www.novemlyrici.net/index.xps?1.10> (дата обращения: 04.05.2016).
27. Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 328 с.
28. Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 392 с.
29. Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. СПб.: Издательский дом С.-Петербургского университета, 2004. 266 с.

30. Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 271 с.
31. Amit M. The Sailors of the Athenian Fleet // *Athenaeum* 1962. № 40, P. 157-178.
32. Boardman J. *The Greeks Overseas: Their Early Colonies and Trade*. London: Thames & Hudson, 1999. 304 p.
33. Edmonds J. *Lyra Graeca Volume I*. London: William Heinemann Ltd., 1922. 516 p.
34. Griffith G. *The Mercenaries of the Hellenistic World*. Groningen: Bouma's Boekhuis, 1968. 340 p.
35. Mitchell H. *The Economics of Ancient Greece*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 415 p.
36. Pecirka J. The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B.C. // *Eirene* 1976. №14. P. 5-29
37. Trundle M. *Greek Mercenaries: From the Late Archaic Period to Alexander*. London & New York: Routledge, 2008. 224 p.